

ИЗВЕСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Том VI

Выпуск II

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

РАЗВАЛИНЫ УРГЕНЧА

(Хорезм)

Гашмк

2532
А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

РАЗВАЛИНЫ УРГЕНЧА

ПЛАНЫ И РАЗРЕЗЫ
Н. Б. БАКЛАНОВА

Ташкент

1930

Печатается по постановлению Государственной Академии Истории Материальной Культуры.
4 февраля 1930 г.

Зам. Председателя Ф. Кипарисов

Изд. Госуд. Академии Истории Материальной Культуры
Ленинградский Областит № 45821. 5 печ. л. Тир. 2000 экз. Зак. № 11598.
2-я типография Транспечати НКПС.—Ленинград. Улица Правды, 15.

Развалины Ургенча представляют большой интерес, и только дальностью расстояния и неудобством путей сообщения объясняется тот факт, что они до сих пор не подверглись систематическому изучению. Богатое археологическими возможностями городище когда-то блестящей столицы Хорезма включает не только ряд сохранившихся и полусохранившихся построек, множество бугров, где погребены частные и общественные здания, но и большой керамический материал, как разбросанный на поверхности земли, так и хранящийся в керамических мастерских, следы которых явно выступают в некоторых местах. К сожалению, прошлые века не оставили нам ни одного сочинения, из которого можно было бы почерпнуть сведения топографического характера, какие мы имеем о других мусульманских городах Средней и Передней Азии. Указанное обстоятельство ставит исследователя в очень трудное положение, заставляя его почти целиком строить работу на чисто археологическом материале. Имея скудные, но достоверные сведения о Хорезме в надписях и изображениях Ахеменидских памятников, мы о самом городе Ургенче узнаем только в китайских источниках. В истории старших Хань (206 г. до н. э.—25 г. нашей эры) имеются сведения о пяти малых владениях и пяти городах: Су-Се (Шахрисябз), Фу-му (Кушания), Ю-ни (Ташкент), Ги (Бухара) и Юе-гань (Гургендж или Ургенч)¹. Таким образом первое известие об Ургенче в транскрипции Юе-гань относится к самому началу нашей эры. К сожалению, кроме краткого упоминания города, мы имеем только указание, что он, как и другие упомянутые города, зависел от кангюйцев, кочевого народа, повиди-

¹ Иакинф III, 58—59. В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, 7.

тому, иранского происхождения, жившего в это время по среднему течению Сыр-Дарьи.

Более подробные сведения об Ургенче мы встречаем в тех же китайских источниках, но уже значительно позже. Так, к середине VII в. н. э. относится следующее известие: «Это древние земли города Юе-гань, принадлежавшие малому кангюйскому владетелю..... Из всех тюркских владений только здесь есть воли с телегами. Торговые употребляют их в своих путешествиях по разным владениям»¹. Главная ценность этого известия заключается в том, что оно уже для до-мусульманского периода дает возможность понять экономическую природу города. К середине VI в. н. э. кочевые иранцы уже ушли с территории Средней Азии. Культурное население долины Заревшана (согдийцы), и, повидимому, нижнего течения Аму-Дарьи (хорезмийцы) перешло под власть образовавшейся кочевой империи турок, с которыми и вступило в торговые сношения. Таким образом, уже в эту эпоху, а быть может и раньше, Ургенч вполне определился, как рынок между кочевой степью и культурной полосой. Эта его особенность, характерная и для следующих веков, была причиной его роста, богатства и той крупной политической роли, которую ему «суждено» было сыграть. Надо думать, что уже в эту эпоху у него были регулярные торговые связи с Хоросаном с одной стороны и с северной Персией—с другой. Последние шли через Дихистан (развалины Мешхед-и-Мисриан), который уже в 639 г. н. э. заключил договор с арабами².

В 712 г. Хорезм был завоеван арабами, что привело страну к образованию двух государств. На юге, в Кяте сидел местный царь с титулом Хорезмшаха, а на севере в Ургенче (арабы называли его Джурджанией)—эмир, первоначально зависящий от халифа. Будучи столицей северного Хорезма, Ургенч именно в этот период обнаруживает все признаки своего экономического роста. На почве торговых сношений с Восточной Европой и сложилось его влияние на хазарское и болгарское Поволжье, которое достигло высшей точки в эпоху Саманидов и о котором так много говорят арабские географы X в. Скупно, но четко формулирует автор середины X в. Истахри роль и положение Ургенча в эту эпоху: «Он (Ургенч) самый большой город в Хорезме после столицы ее (Кяты), является местом торговли Гузов и из него выходят караваны в Джурджан, Хазар и Хоросан»³. Писавший несколько позже Ибн-Хаукаль⁴ к словам этим прибавляет

только одно замечание, касающееся Хазар. О торговле с последними он говорит только в прошлом, ибо в другом месте своего труда он отмечает, что Итиль разрушен русами в 358 г. хид.¹—968/9 г. н. э. В Ургенч турки свозили кожи, мясо, шерсть, скот, рабов, выменивая их на хлопчатобумажные и шерстяные ткани, готовое платье и прочую продукцию культурной полосы². Но не только турки активны были в этой торговле. В степь ездили и хорезмийцы, особенно, купцы из Ургенча. Ибн-Хаукаль отмечает путь из Хорезма в Янгикент, куда по его словам было 10 переходов³.

Была дорога из Ургенча и на Фараб (будущий Отрар) и Исфиджаб, откуда шел знаменитый путь в Монголию и Китай. Правильные караваны направлялись из Ургенча в X в. в Хоросан через Земахшар, Хиву, Хазарасп, Амударью, Тус, Нишапур. Насколько было значительно участие хорезмийцев (а, следовательно, и купцов из Ургенча) в торговле с Хоросаном в эту эпоху видно из слов Истахри, который говорит, что хорезмийских купцов можно встретить в любом из больших городов Хоросана⁴. Был и другой путь в Хоросан через рабат Ферава (Кызыл-Арват). В северную Персию—в Джурджан караваны ходили через упомянутый выше Дихистан⁵. Наконец, были дороги из Ургенча в Бухару, Самарканд и другие города Мавераннахра. Дороги эти имели два варианта—один на бухарское селение Фарахшу⁶, другой—через рабат Джигирбанд⁷. Но, конечно, главная масса ургенчских караванов направлялась в Восточную Европу, в Итиль и в Булгар, где и происходил правильно организованный товарообмен. В бюджете товаров ургенчского рынка меха, кожи, рабы, привозимые оттуда, играли, конечно, огромную роль. Учтя выгодное положение Ургенча на перекрестке дорог, мы поймем, какое огромное значение для роста города мог иметь систематический приток с разных сторон товаров на его большой рынок. Здесь действительно можно было встретить купцов из Персии, Мавераннахра, турецких степей, хазар и болгар. Макдиси⁸, автор конца X в., дает большой список товаров, которые проходили через рынки Хорезма.

¹ II, 14. Дата эта не совсем верна; смотреть об этом у В. В. Бартольда, The Encyclopaedia of Islam XIII, 789, и его же, Место Прикаспийских Областей... 43. В. В. Бартольд считает более правильной датой 965 г. нашей эры (или 354 г. хид.).

² I, 299.

³ II, 393.

⁴ I, 304—305.

⁵ Ibid, 299.

⁶ I, 338; В. В. Бартольд, Туркестан, II, 153.

⁷ III, 343; В. В. Бартольд, Туркестан, II, 153.

⁸ III, 324—325.

¹ Макинф III, 246.

² Табари I, 2658; В. В. Бартольд, История орошения..., 34.

³ I, 299.

⁴ II, 350.

Здесь мы найдем разнообразные меха Северо-Восточной Европы, кожи, скот, рабов, хлеб, грубые и тонкие сорта хлопчато-бумажных, шерстяных и шелковых тканей, изделия из металла и многое другое. И насколько велико значение Ургенча, как рынка, в X в. можно судить и по тому факту, что знаменитый караван, отправленный с торговыми и дипломатическими делами из Багдада в Булгар в 921—922 г.¹, прошел к месту своего назначения не по краткой дороге через Кавказ, а более длинной на Хоросан, Бухару и Ургенч. Не подлежит сомнению, что такая прочная торговая база, как богатый рынок Ургенча, не мог не отразиться на росте, убранстве, культурном и политическом значении города. Только экономическим ростом (при других благоприятных условиях) можно объяснить события 995 г., когда последний эмир Северного Хорезма Мамун ибн Мухаммед завоевал южную часть страны, объединил ее всю и сделал Ургенч столицей нового государства. Макдиси, писавший незадолго до объединения, отмечает рост города в следующих словах: «Он (Ургенч) каждый день увеличивается. У ворот Халжаджа стоит дворец, построенный Ал-Мамуном, у дворца—ворота, во всем Хоросане нет более удивительных (по красоте), чем они. Сын его, Али, построил другой дворец, впереди его (дворца Мамуна). У ворот дворца находится площадь, подобная площади в Бухаре, и на ней продают баранов»². Строитель дворца и есть, как уже отметил В. В. Бартольд³, тот эмир Абул-Аббас Мамун ибн Мухаммед, который в 995 г. объединил Хорезм и принял титул Хорезмшаха.

Итак, Ургенч в конце X в.—город, который своими постройками может вполне соперничать с лучшими городами Хоросана. К сожалению, от построек X в. на территории городища ничего не сохранилось, однако, можно надеяться, что тщательное изучение топографии города позволит наметить то место, где они находились, и тогда будущие раскопки смогут вскрыть фундаменты. В сообщении Макдиси есть любопытная деталь: «У ворот дворца находится площадь, подобная площади в Бухаре». Речь идет, конечно, о Бухарском Ригистане, о котором автор «Истории Бухары» Нершахи⁴ говорит: «Место от западных крепостных ворот до ворот Ма'бид называется Ригистаном. На этом Ригистане помещались царские дворцы, существовавшие издавна еще со времени неведения. В эпоху династии Саманидов Амир Са'ид бин-Ахмед бин-Исмаил Ас-Самани приказал на

Ригистане выстроить дворец. Дворец выстроили очень хороший израсходовав на него большое количество средств. У ворот своего дворца он (Наср) приказал выстроить дворцы для управляющих «диванами», так, что у каждого из них был отдельный «диван» в своем здании у ворот султанского дворца».

От Саманидского Ригистана в Бухаре на поверхности ничего не осталось, также как и от Ургенча, однако, будущие раскопные работы, произведенные в этих городах, смогут дать нужный материал для сравнения. Во всяком случае не подлежит сомнению, что город Ургенч в конце X в. в своей планировке и в своей архитектуре в какой-то мере подражал блестящей столице Саманидов. Ниже, при описании Куна-Ургенчского городища и выяснении вопроса его топографической эволюции, мне придется высказать свои соображения о местоположении Ригистана. К этому же времени, несколько позже, относится и постройка минарета, который рухнул на грани XIX и XX вв., и от которого сохранилась свинцовая плита (ныне хранящаяся в Главном Средне-Азиатском Музее в Ташкенте), где сказано следующее¹: «Повелитель, вождь, царь справедливый Абу-л-Аббас Мамун ибн Мамун, Хорезмшах приказал построить этот минарет и это произошло в месяцы 401 г.».

Во всяком случае к началу XI в. это был уже большой культурный город с постройками, которые на территории Средней Азии имели соперника, повидимому, только в Бухаре. За время от XI в. до начала XIII в., т. е. до разрушения города монголами, мы не имеем ни о топографии Ургенча, ни о его постройках в письменных источниках почти никаких известий. Сведения об этом периоде мы можем почерпнуть только археологическим путем. Однако, общая история Хорезма, с которой тесно связана судьба его столицы, благодаря трудам В. В. Бартольда, нам хорошо известна. Хотя страна на протяжении XI в. и меняет своих правителей (Газневиды и Сельджукиды), однако, ее караванная торговля и ее культура не падают, а скорее развиваются.

Турецкая власть в Средней Азии, находящаяся в руках Караханидов и в Передней—Сельджукидов, не внесла в экономическое и культурное развитие мусульманского мира задерживающих элементов. Наоборот, в эту эпоху мы почти повсюду наблюдаем территориальный рост городов, при чем именно в эту эпоху складывается оконча-

¹ Якут, Географ. Словарь I, 723; ИАН, 1924, № I—II, VI сер., 343—347.

² III, 288—289.

³ В. В. Бартольд, Туркестан, II, 146.

⁴ Description de Boukhara изд. Schefer'a. Paris. 1892, перс. текст, 24.

¹ Н. Катанов, Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куна-Ургенча, ЗВО, XIV, 015. У Н. Катанова вначале дано не совсем правильное чтение. Вместо «вождь» — он прочел «шествующий путем праведным».

тельно тип мусульманского города, который в разных точках Средней и Передней Азии имеет почти однородное лицо. Насколько значительна была эта эпоха в городской жизни мусульманского мира, видно хотя бы из того факта, что на XI и XII вв. приходится большое количество прекрасных построек, многие из которых сохранились до наших дней. Характерно и то обстоятельство, что почти все они сработаны в одной технике и близки друг к другу по стилю на всем протяжении Средней и Передней Азии. Турецкая власть не только не мешала, а скорее способствовала развитию караванной торговли, выгоды которой Сельджукские султаны и Илек-ханы быстро учли. Ко времени их прихода к власти торговый капитал представлял собою значительную силу, с которой приходилось считаться самым сильным правителям. В этом отношении в письменных источниках сохранились интересные сведения. Так, историк Абу-Шуджа, живший в эпоху Сельджуков, в своей «Книге испытание народов», в главе об одном из правителей (эмир Абу-Мансур) под 377 г. хид.—проводит ту мысль, что приказы, касающиеся торговых сделок, написанные на огромные суммы, исполняются как на отдаленном Востоке, так и на отдаленном Западе и платежи по ним идут быстрее, чем поступление податей и хараджа в казну правителей¹. На важность этого свидетельства впервые обратил внимание В. В. Бартольд². Не подлежит никакому сомнению, что и в описываемое Абу-Шуджой время, т.-е. в конце X в., торговля велась не отдельными лицами, а целыми компаниями, крупными торговыми организациями, где отдельные вклады достигали больших сумм.

Но вернемся к Хорезму. Новым в эту эпоху для него является только временная связь с Газной, которая продолжалась до середины XI в., благодаря указанной выше зависимости от газнеvidов. С конца XI в. под верховной властью Сельджукидов появляется новая династия Хорезмшахов, основателем которой был Кутб-ад-дин Мухаммед. С именем ее представителей (Атсыз, Иль-Арслан, а особенно, Текеш и Мухаммед) связан экономический подъем и рост политической силы Хорезма, который сначала освободился от Сельджукской зависимости, а после, к началу XIII века, превратился в самое большое государство на мусульманском Востоке.

Конечно, весь этот процесс возможен был только благодаря огромному росту той караванной торговли, о которой было сказано выше. Новым в ней являются не районы и дороги, они остались прежними, а кочевое содержание степи. Гузов сменили кипчаки (половцы).

¹ The Eclipse of the Abbasid Caliphate v. III, 138.

² В. В. Бартольд, а) Место Прикаспийских Областей, 54, б) Иран, 31.

На месте разрушенного Итиля появился Саксин¹, принадлежавший, повидимому, половцам² и стремящийся играть для своего времени ту же роль в товарообмене Восточной Европы и Азии, какую в IX и X вв. играла упомянутая столица Хазар. Купеческие организации Хорезма, главным образом, Ургенча, выросли в эту эпоху в огромную силу, которая вкладывала свои капиталы не только в торговлю ближайших стран, но, как известно, участвовала в торговых операциях между Монголией и Китаем. Несомненно, что сам город в это время должен был шириться, обрастать базарами, частными и общественными зданиями. Не имея в письменных источниках никаких сведений о топографии и постройках Ургенча этого периода, мы тем не менее имеем полную возможность судить о его размерах. Об этом нам достаточно выразительно скажет само городище. О впечатлении, которое производил Ургенч на современников, у нас есть ценное известие знаменитого ученого географа XIII в. Якута, который посетил Ургенч в 616 г. хид.—1219/20 н. э., почти накануне разрушения его монголами. Вот что он пишет³: «Был я в нем (Ургенче) в 616 году до завоевания его татарами и до разрушения его ими. Не видел я города более огромного, богатого и красивого, чем он, и переменилось все это благодаря татарскому разгрому, так что не осталось, согласно тому, что дошло до меня, ничего, кроме следов от него, и убили они (татары) все то, что было в нем». Как уже показал В. В. Бартольд в своем капитальном «Туркестане», Ургенч был крупнейшим культурным центром⁴.

Внешним выражением этого была огромная библиотека, которую устроил на свои средства векиль Шихаб ад-дин Хиваки. Об ней Несеви⁵ говорил, что подобной библиотеки «не было ни раньше, ни после».

Как известно, вскоре после отъезда Якута из Ургенча, город подвергся осаде. Сюда, к столице Хорезма, Чингизхан стянул огромные силы, во главе которых поставил своих сыновей Джучи, Джагатай и Угедея. Осада длилась около полугода и закончилась взятием и разгромом Ургенча в апреле 1221 г. Сам по себе подробный рассказ

¹ Al-Garnati. Le Tuhfat-la-albab, 115. Paris, 1925.

² Хотя есть сведения, что Саксин был в руках сорока (?) племен Гузов (слова Гарнати, находящиеся у Закарии Казвини в изд. Wüstenfeld II, 402), однако, едва ли этот сравнительно небольшой район мог быть самостоятелен, находясь в кипчаком (половецком) окружении. Надо думать, что половцы держали здесь своих баскаков. См. также В. В. Бартольд, Очерк истории турки. народа, 39.

³ Якут, Географический Словарь, II, 54.

⁴ В. В. Бартольд, Туркестан, II, 462-463.

⁵ В. В. Бартольд, *ibid.*, 463. Nesselwi, texte, p. 49.

одного из более надежных источников, а именно Джувейни, при других условиях мог бы дать ключ к топографическому уяснению. Однако, так как других сведений мы не имеем, то те названия, которые приведены у Джувейни, пока остаются мертвым капиталом и не могут быть приложены к какой-нибудь части городища. У Джувейни же мы имеем название ворот — «ворота мира»¹, «ворота Кабилян» или «Акабилян»².

Если принять во внимание ворота Хаджаджа³, известные для конца X в. (сведения Макдиси), то у нас имеются трое ворот. Но где и как их разместить — неизвестно. Есть у Джувейни и указания на «увеселительный сад» в расстоянии одного фарсаха от города⁴, на место самого города, которое носило имя Тенуре или Небуре⁵, на реку или канал, который проходил через город и через который был перекинут мост⁶, наконец, на то, что в городе было много кварталов и дворцов. Из всего перечисленного, пока, при настоящем уровне наших знаний об Ургенче, мы можем точно отметить только местонахождение канала.

Но это частности, общая же картина достаточно ясна. Уже описание боя, сделанное Джувейни, длительность его, трудность осады, медленное овладение отдельными кварталами, несмотря на огромные силы, брошенные на осаду Ургенча, определенно говорят о больших размерах и прекрасных укреплениях города.

В мусульманской литературе установилась традиция, согласно которой считалось, что Ургенч был разрушен до основания. Более всего сделал для этого Ибн-ал-Асир, современник этих событий, хотя и писавший не как свидетель, а со слов других. Вот, что он пишет: «Потом они (татары) открыли плотину, которая удерживала воду Джейхуна от города; вода вошла и затопила весь город; все постройки были разрушены и их место заняла вода. Не спасся из жителей города никто совсем, тогда как были города, где некоторым удалось спастись, будь ли то те, кто скрылся, или кто убежал, или кто вышел и затем спасся, или кто улегся среди убитых и (этим) спасся. Что же касается Хорезма (Ургенча), то тот, кто спрятался от татар, того или затопила вода, или убили развалины. Все пришло в состояние разрушения и . . . »⁷. Рассказ этот, конечно, преувеличен. Уже

самый факт, что на территории Куны-Ургенчского городища («Таш-Кала») еще 30 лет тому назад стоял минарет 1011 г. н. э. и сохранился мавзолей над мнимой могилой Фохр-ад-дин-Рази, тоже, повидимому, до-монгольской эпохи, достаточно убедителен, чтобы считать, что мнение Ибн-ал-Асира очень преувеличено. В другом раннем источнике у Джузджани в его *Tabakat-i-Nasiri* о разрушении города сказано: «наконец, они (монголы) взяли город (Ургенч), умутили все население и разрушили постройки за исключением двух мест: одно — Кешк-и-Ахчак, и другое — мавзолей султана Мухаммеда Текеша»¹.

В. В. Бартольд в своем «Туркестане» приводит известие Абдал-Керима Бухари (поздний источник), что в Ургенче уцелела гробница Наджм-ад-дин Кубра, гробница Ибн-Хаджиба, минарет, гробница дочери Мухаммеда и часть базара².

Итак, не только археологические данные, о которых мне придется говорить подробно, но и письменные известия значительно смягчают слова Ибн-ал-Асира!

Хотя монгольское завоевание и было большой катастрофой для страны и ее столицы, однако, это бедствие нужно рассматривать только как грозную политическую бурю, следы которой быстро исчезли. Как известно, Хорезм вскоре после завоевания вошел в состав вновь образованного Золотоордынского государства в качестве его наиболее богатой и культурной провинции. Здесь, в условиях политических порядков, которые создали наиболее благоприятную обстановку для караванной торговли, Ургенч и получил возможность не только залечить свои раны, но и подняться на высшую точку своего торгового, промышленного, строительного и культурного развития. Вышеупомянутый Джузджани наиболее ранний персидский источник, откуда можно получить достоверные сведения о начальном периоде истории Золотой Орды, так описывает политику фактического основателя Золотоордынского государства хана Бату. «Он (Бату) был человеком проникательным и другом по отношению к мусульманам. Под его покровительством они пользовались жизнью довольной и счастливой. В его лагере и среди его племен были должным образом устроены мечети с регулярными собраниями с имамом и муэззином. В течение (всего) периода его царствования и в течение всей его жизни территории ислама не испытывали никогда вреда и обиды ни от его управления, ни от его подчиненных, ни от его войска. Мусульмане

¹ Juwayni Gib. memog. series, 98.

² Ibid., 99.

³ BGA, III.

⁴ Juwayni 98.

⁵ Ibid., 99.

⁶ Ibid., 100.

⁷ Ибн-ал-Асир, XII, 207—208.

¹ *Tabakat-i-Nasiri*, 1100. Последние слова, конечно, как уже отметил В. В. Бартольд — ошибка. Мавзолей не султана Мухаммеда, а Текеша. В. В. Бартольд, Туркестан, 471.

² В. В. Бартольд, Туркестан, 471.

Туркестана под тенью его опеки наслаждались большими богатствами и чрезвычайной безопасностью»¹. Эти слова заслуживают самого глубокого доверия, ибо вся последующая история Хорезма и Ургенча XIII—XIV в. подтверждает их. Экономическое и культурное содержание жизни почти не изменилось. Новым явился подъем, выразившийся главным образом в усилении промышленности, торговли и торговых связей. Последние, продолжая идти по старым путям, делают вполне естественное ударение на Восточной Европе, где Золотая Орда явилась мощным организатором все усиливающегося товарообмена, втягивая (еще больше, чем прежде) в него Крым, Русские княжества, Северный Кавказ, Среднюю Азию, кочевые степи, Монголию и Китай.

Караванная торговля XIII и, особенно, XIV вв. вступила уже в стадию развитого торгового капитализма. Сложившиеся крупные компании купцов-вкладчиков («уртак») представляли собою торговые организации, державшие в своих руках целые караванные линии, имея деловые связи в отдаленных друг от друга пунктах.

Мне уже в другом месте² приходилось указывать, что Рашид-ад-дин и Вассаф³, историки начала XIV в., дают интересный материал для суждения о степени силы этих торговых компаний. Любопытно, что в текстах, наряду с арабским термином «таджир» появляется турецкий «уртак». Первый—в значении «купец», второй—в значении «держатель вкладов» (пайщик). Насколько велико было их политическое значение видно, хотя бы из того, что в течение почти всего XIII в. Туркестан находился фактически в управлении сначала богатого купца Махмуд Ялавача (до 1238 г.), а потом его сына Ма'суд Бека (до 1289 г.). Естественно, что Ургенч и его торговые организации в благоприятных условиях Золотоордынского государства должны были быстро возродиться. И, действительно, не прошло и нескольких десятков лет, как город начал оживать. Существует письменное известие Ибн-ал-Асира: «Утвердилась власть их (татар) в Мавераннахре; области Мавераннахра опять стали обстраиваться, и они (татары) построили большой город по близости от г. Хорезма (т. е. Ургенча)»⁴. Опираясь на это единственное свидетельство современника, мы должны были бы сделать вывод, что Ургенч возродился не на старом месте, а где-то вблизи от него. Как будет видно ниже, в археологической части сообщения, известие

это не может быть признано верным. Город остался на старом месте, но расширил свою территорию, двигаясь в направлении с юга на север. Ошибка Ибн-ал-Асира находит свое объяснение в том, что хотя он и был современником, однако, не был свидетелем и сведения о Хорезме и Ургенче получал от других лиц.

Итак, город уже в XIII в. вернул свое до-монгольское торговое и культурное значение. Сделавшись из столицы самостоятельного государства столицей его наиболее богатой и культурной провинции, он начинает быстро обстраиваться. Став одним из центральных узловых пунктов на караванном пути из Восточной Европы в Монголию и Китай, Ургенч вместе с тем в эту наиболее блестящую эпоху своего существования был тесно связан как с Хоросаном и Северной Персией, так и с наиболее важными центрами Туркестана. Не входя в подробности, отметим только наиболее важные пути. В Европу были две линии. Маршрут первой из них—«южно-русские степи», Волга, Яик, Эмба, Ургенч¹, Отрар, Тараз и дальше. Маршрут второй—«южно-русские степи», Волга, Яик, Эмба, кипчакские степи (севернее Аральского моря), долина рек Чу, Или и дальше. Первым путем, быть может, шли Плато Карпини в 1246 г., братья Полов— в 1262 г. (с отклонением из Ургенча на Бухару), вторым—Вильгельм Рубрук в 1253 г. Дорогой этой интересовались и деловые торговые круги итальянцев, имевших связи с Причерноморьем. Так, Бальдуччи Пегалотти, состоявший на службе у флорентийской компании Барди, не только дает подробный маршрут, но и очень ценное указание относительно Ургенчского рынка. Заезжать сюда имеет смысл, по его мнению, только тогда, когда есть товары, ибо выгоднее всего продавать их здесь. Писал Пегалотти в 1340 г., т. е. при жизни Узбек-хана². О дорогах в Персию мы имеем подробные и точные сведения у персидского географа Хамдаллаха Казвини, писавшего в 1339 г. По словам В. В. Бартольда³ он был хорошо осведомлен в торговых маршрутах своего времени, благодаря знакомству с официальными данными, собранными при султани Улджайту (1304—1316). Один из них, впервые опубликованный В. В. Бартольдом⁴, шел из Ургенча в северную Персию через Дихистан (ныне развалины Мешхеда-Мисриян) и Джурджан с точным указанием числа названных станций и расстояний между ними. Другой маршрут, впервые

¹ Tabakat-i-Nasiri, 1171—1172.

² Статья моя «Хорезм в керамике Сарая», печатающаяся в «Записках Отдела Востока Гос. Эрмитажа».

³ Hammer—Purgstall, Geschichte Wassaf's, перс. текст, 99 (сверху).

⁴ Ибн-ал-Асир, XII, 323.

¹ Так как город в это время находился на правом берегу Аму-Дарьи, переходить через реку не приходилось.

² Heyd, франц. перевод Histoire du Commerce du Levant, II, 225 и дальше; В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, 63—64.

³ Ibid., 54.

⁴ Ibid., 52—54.

опубликованный В. А. Жуковским¹ в его монографии о Мерве, дает путь из Ургенча через Хазарасп на Мерв, также с точным указанием числа, названий станций и расстояний между ними. Указанные пути и были теми каналами, по которым проходили не только товары и купцы, дипломаты, специалисты по мусульманскому праву и богословию, путешественники, но по которым передвигались и мастера разных специальностей (гончары, строители, резчики по дереву и камню, мастера по обработке металла и т. д.) как по собственной воле, передвигающиеся из одного города в другой, так и по приглашению правителей, а иногда и насильственно увезенные, как это имело место при завоеваниях.

Для середины и второй половины XIII в. мы, к сожалению, не имеем в письменных источниках ни одного, хотя бы общего описания Ургенча. Зато для 30-ых годов XIV в. мы имеем подробное (относительно) описание города, оставленное известным арабским путешественником Ибн-Батуттой, который приехал в Ургенч в 1333 г. непосредственно из столицы Золотой Орды Сарая-Берке². Ибн-Батута был в Ургенче несомненно в самый блестящий период его жизни. Из описания его мы узнаем, что Ургенч (он называет его Хорезмом) «самый большой из турецких городов, самый значительный и красивый, у него красивые базары, и широкие улицы, и многочисленные постройки»³.

По его словам население города велико, а в базарные дни приезжающих из окрестных мест так много, что через торговые районы можно только с трудом пройти или проехать. И это не только его впечатление, но и общее мнение жителей города. Ургенчский главный кади Абу-Хавс Омар-ал-Бекри в разговоре с Ибн-Батуттой указывает, что «этот город велик скоплением народа и днем пройти там нельзя будет»⁴. В городе много прекрасных зданий, среди которых Ибн-Батута выделяет медресе, которое построил правитель Хорезма Кутлуг-Тимур, и соборную мечеть, которую выстроила его замечательная жена Тюрабек-Ханым. Есть в городе и «больница», в которой (работает) сирийский врач по имени Ас-Сахиуни, родом из сирийского города Сахиуна»⁵.

«За Хорезмом (Ургенчем) находится завия (ханака), выстроенная над могилой шейха Наджм-ад-дин-ал-Кубра, который был одним из

великих проповедников. В завии для приезжающих и уезжающих (всегда) находится пища; шейхом ее состоит мударрис (преподаватель) Сейф-ад-дин, сын Асабы одного из великих людей Хорезма (Ургенча). Есть там также завия, в которой шейхом состоит праведный, прислуживающий Джелаль-ад-дин ас-Самарканди, один из благочестивых людей. За пределами города находится и могила мудрого имама Абу-л-Касима Махмуда ибн-Омара аз-Земахшари, над которой (поставлен) купол»¹. Есть в Ургенче и завия (ханака), которую построила упомянутая выше Тюрабек-Ханым, в которой подавалась также еда для приезжающих и уезжающих. В ней для Ибн-Батуты было устроено угощение, на котором присутствовали именитые люди города². Описывает Ибн-Батута и дом богатого кади, упомянутого Абу-л-Хавса-Омара, находящийся недалеко от мечети. «Вошел я с ним, говорит Ибн-Батута, в его приемную, одну из прекраснейших приемных, в ней были разосланы великолепные ковры, стены ее убраны тканями, по стенам большое количество ниш и в каждой из ниш поставлены были серебряные с позолотой сосуды и сосуды иракские; таков обычай у жителей этой страны украшать свои дома»³. Есть в описании у Ибн-Батуты и несколько строк о посещении им дворца правителя Хорезма Кутлуг-Тимура. «Мы пришли в дом его, вошли в его большую приемную, большая часть дома деревянная, потом вошли в малую приемную, у которой деревянный разукрашенный купол, стены убраны разноцветными тканями, а потолок раззолоченным шелком»⁴.

Хотя описание его, как и описания большинства путешественников, суммарно и во многом случайно, однако, и оно дает вполне выразительную картину большого торгового и вместе культурного города. Как и перед нашествием монголов, Ургенч первой половины XIV в.— крупное средоточие культурных сил мусульманской богословской мысли, хотя по признанию Ибн-Батуты в учении их преобладает склонность к ереси, т. е. к мутазитству, каковое направление держалось здесь дольше, чем в других местах. Едва ли будет преувеличением сказать, что Ургенч был главным центром, откуда Золотая Орда, особенно ее столица, черпала культурные силы для своих медресе. Тот же Ибн-Батута, описывая Сарай-Берке, говорит, что в последнем наиболее почитаемой и прославленной во времени Узбек-Хана была ханака шейха Номан-ад-дин ал-Хорезми⁵,

¹ В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва, 55-61.

² Названия: Сарай-Берке и Сарай-Бату, смотреть статью мою «Хорезм в крамике Сарая», печатающуюся в «Записках Отдела Востока Гос. Эрмитажа».

³ Voyages d'Ibn Batoutah, t. III, 3.

⁴ Ibid., 7.

⁵ Ibid., 4.

¹ Ibid., 5-6.

² Ibid., 14.

³ Ibid., 8.

⁴ Ibid., 10.

⁵ Ibid. II, 449.

к которому Узбек-хан приходил каждую пятницу за советами. А другой арабский автор ал-Бирзали¹, упоминая о Номан-ад-дине, подчеркивает, что это был один из образованнейших людей своего времени, «изучал логику, диалектику, медицину», был прежде ст. врачом больницы в Хорезме и при хане Тохте (1290—1312) переведен в Сарай-Берке.

Наконец, есть у Ибн-Батуты и несколько строчек о реке, которая питала город и окрестности. «За пределами Хорезма (Ургенча)—река Джейхун, одна из четырех рек, текущих из рая. . . .» «Летом передвигаются по ней на судах до Термеза, откуда привозят пшеницу и ячмень, путь для едущих вниз по реке равен 10 дням.»² Как будет видно из археологической части, русло Аму-Дарьи (вернее главный проток) проходило к югу от города, вблизи от него. Вопрос же о том, когда точно река повернула в сторону к Каспийскому морю, до сих пор остается открытым. Во всяком случае почти накануне прихода татар при Якуте (1219) город Ургенч был левобережным городом³. Какую роль сыграла в деле поворота реки осады Ургенча татарами и возгоревшаяся около нее борьба—сказать трудно. Однако, одно несомненно—известия об Ургенче в монгольскую эпоху дают нам представление о нем, как о правобережном городе.

Описание Ургенча, сделанное Ибн-Батутой, падает, как сказано выше, на самое блестящее время его истории. Немалую роль в благоустройстве и украшении города сыграл правитель Хорезма Кутлуг-Тимур и его жена Тюрабек-Ханым. Будучи наиболее важной провинцией Золотой Орды, Хорезм в качестве наместников получал наиболее близких к Золотоордынской династии лиц. Кутлуг-Тимур, будучи родственником ханского дома⁴, играл большую роль при Сарайском дворе, особенно при Узбек-хане, которому помог при восшествии на престол⁵. В 721 г. хид.—1321 г. н. э. по словам Ибн-Дукмака⁶ он был назначен наместником Хорезма и (с некоторым перерывом)⁷ провел в Хорезме до своей смерти, которая последовала по словам Мирхонда в 736 г. хид.⁸

¹ Тизенгаузен, Золотая Орда, 175.

² Voyages d'Ibn-Batoutah, III, 5, арабск. текст.

³ Якут, Географический Словарь, II, 54; В. В. Бартольд, К истории орошения, 88.

⁴ Ibn-Batoutah, III, 9.

⁵ Тизенгаузен, 384 и другие места.

⁶ Тизенгаузен, 329.

⁷ Тизенгаузен, 388. Ибн-Халдун отмечает, что Кутлуг-Тимур, получив отставку в 721 г. хид. от наместничества в Крыму, в 724 г. вновь туда возвращен.

⁸ Слова эти неверны, ибо в надписи на каменной плите, сохранившейся в Отузах (Крым) сказано: «Этот благословенный колодезь построен указанием великого эмира Кутлуг-Тимур-бека 767 г. хид. (1368 г. н. э.). См. Осман-Фаток-Рахлы. «Старо-Крымские и Отузские надписи», 7.

Судя по описанию Ибн-Батуты и, особенно, по сохранившимся памятникам Ургенча, долгое правление Кутлуг-Тимура были временем, когда город не только значительно вырос, но и украсился первоклассными постройками. Не подлежит никакому сомнению, что его постройки были по степени своей художественной законченности значительно выше построек в двух Сараях (Сарай-Бату и Сарай-Берке).

Десятилетия, которые непосредственно следовали за смертью Узбек-хана, происшедшей в 1340 г. как известно, неудачно сложились для Золотой Орды. Наростающие столкновения со степью (Белая Орда с центром в Сугнаке), и внутренние неурядицы настолько расшатали сарайское правительство, что создалась такая обстановка, при которой Хорезм мог оторваться от Золотой Орды и с 60-х годов XIV в. вновь стать независимым государством. Но оторвавшись, Хорезм не смог стать сильным политическим организмом и его дальнейшая «судьба» была скоро определена новым государственным объединением, центром которого был Самарканд, а организатором Тимур, военный талант которого помог ускорить процесс «собира-ния» Средне-Азиатских и Передне-Азиатских земель в огромное государство. «Собирание» это и началось с Хорезма. Богатства последнего не могли не привлечь к себе внимания Тимура и с 1372 г. он начинает свои походы туда. За 15 лет было совершено пять походов, которые и завершились в 1388 г. огромным разгромом, почти уничтожением, его блестящий столицы Ургенча. Походы эти были для Тимура, несомненно, источником «накопления», как материальных ценностей, так и культурных сил. Уже после второго из них Тимур в 775 г. хид. (1374 г.) выписывает для своего сына Джехангира жену из Ургенча. Это была племянница хорезмийского владыки Юсуфа-Суфи, внучка Золотоордынского хана Узбека, по имени Суяибик-Хавзада. Огромный караван сопровождал невесту Джехангира из Ургенча в Самарканд. Шереф-ад-дин ал-Язди подробно описывает его¹.

Караван заключал в себе богатое приданое, состоящее из ковров, шелковых материй и драгоценностей. Несомненно, что наряду с материальными ценностями в караване были и живые культурные силы. Еще большее значение имел 4-й поход. В 781 г. хид. (1379 г. н. э.) Тимур осадил и взял Ургенч. Предав город грабежу и частичному разрушению, он вывез в Шахрисябз все культурные силы разграбленной столицы. В числе увезенных были ученые, художники и ремесленники. Однако, решающим в «судьбе» Ургенча был пятый поход в Хорезм 790 г. хид. (1388 г. н. э.). Не входя в рассмотрение обстоятельств, при которых он был совершен, приведу только те строчки

¹ ZNI, 245 и дальше.

из Шереф-ад-дин ал-Язди, которые имеют прямое отношение к Ургенчу. «Хазрет-Сахиб-и-Кыран (Тимур), отдав распоряжение на несколько дней остановиться в Хорезме, приказал перевести в Самарканд все население — жителей города и области, а город Хорезм (Ургенч), совершенно разрушив, засеять ячменем»². Через 3 года, возвращаясь из своего похода в Дешт-и-Кишчак (1391 г.), Тимур «послал Мусика сына Джанги Кучина восстановить Хорезм (Ургенч). Мусика окружил стеной и возродил квартал Каан, который вместе с Кятом и Хивой во времена Чингиз-хана, при разделении государства между сыновьями последнего, вошел в улус Джагатай-хана. В настоящее время³ населенная часть города Хорезма (Ургенча) находится в том же состоянии»⁴.

Ниже, при описании построек Куна-Ургенчского городища будет ясно, что приказ Тимура не был полностью приведен в исполнение, ибо часть своих построек он сохранил до наших дней. Одно, однако, несомненно, 1388 г. в жизни Ургенча — более катастрофическая дата, чем 1221 г. Возрожденный приказом Тимура в 1391 г. в размерах одного квартала, город никогда больше не возвращал ни своих размеров, ни своего торгового и культурного значения. И дело здесь не в том, что разгром Ургенча Тимуром оказался сильнее разгрома Чингиз-хана, а в исторических условиях, которые с конца XIV в. определенно складываются не в пользу Хорезма и его столицы. Последующий за Ургенчем разгром Сарая-Берке в 1395 г. был фактически ликвидацией Золотоордынского государства и той роли, которую оно играло в торговых сношениях Восточной Европы с Центральной Азией. Образование нового политического центра в Самарканде, который стал теперь столицей огромного государства, составленного из земель Средней и Передней Азии, перевело караванную торговлю на другие линии. Хорезм остался в стороне от них, а вместе с этим и Ургенч перестал получать тот постоянный прилив товаров, денег и людских культурных сил, которыми питала его караванная торговля.

К этим обстоятельствам впоследствии прибавятся еще новые затруднения: нашествие узбеков и поворот Аму-Дарьи — факты, которые будут только углублять начавшийся после 1388 г. упадок.

Дальнейшая история города в виду его неуклонного угасания не представляет особого интереса, и если упоминания о нем у того или

другого автора могут остановить на себе внимание, то только с той точки зрения, что они могут дать для понимания его топографии. Поэтому я и остановлюсь только на двух свидетельствах XVI в. В. В. Бартольд, работая летом 1902 г. над рукописями Средней Азии, нашел в Самарканде в собрании В. В. Вяткина сочинение, принадлежавшее Джаны Махмуду Гудждувани, мюриду известного шейха Кемаль-ад-дин Хусейна Хорезми. Сочинение это и представляет биографию последнего. Автор вместе с последним был в Ургенче в год взятия его Шейбани-ханом, т.-е. 911 г. хид. — 1505 г. н. э. По словам В. В. Бартольда «подробного описания Ургенча автор не дает. Как и в других городах, в нем упоминается центральный купол базара. Упоминаются развалины старого разрушенного монголами города, под названием «старой крепости и места мазаров правоверных», где иногда показывались тени мертвых. Река протекала у ворот города; зимою здесь было так холодно, что воду из проруби нельзя было донести в сосуде до середины города, так как на пути она замерзала; жители приносили с реки в город куски льда и уже там растапливали лед на огне. По южную сторону реки, по направлению к Хоросану, был мазар Ходжа-Алты-Кулач («шестисаженный»); гумбез к этому времени пришел в разрушение, и шейх еще прежде дал обет восстановить его; и в других местах шейх заставлял своих учеников в свободное от религиозных упражнений время заниматься строительными и другими работами»¹. Автор несколько раз отмечает, что путешествие из Ургенча в Хоросан совершалось с предварительной «переправой через Аму-Дарью на судах»². По словам В. В. Бартольда это вполне подтверждает, что город находился «по северную сторону главного русла реки»³.

Вышеприведенный отрывок, как мы увидим ниже, дает несколько ценных указаний, которые могут быть использованы для понимания топографии Куна-Ургенчского городища.

Второе свидетельство, относящееся к XVI в., оставлено Дженкинсоном — путешественником и торговым агентом Лондонско-Московской компании, который проезжал через Ургенч глубокой осенью 1558 г. Вот что он пишет: «Этот город, или вернее столица, Ургенч расположен на месте ровном; имеет вокруг земляные валы по четыре мили в длину. Постройки в нем тоже земляные; но они наполовину разрушились и выстроены без должного порядка. В городе есть одна длинная улица, покрытая сверху, которая служит местом для рынка.

¹ Ibid., I, 299—300.

² Ibid., I, 448. У Абд-ар-Реззак Самарканди (Рук. Лен. Унив. № 157, л. 87 в) есть указание, что город грабили в течение 10 дней. См. В. В. Бартольд, Свед. об Аральском море, стр. 71.

³ Шереф-ад-дин ал-Язди писал в 1425 г.

⁴ ZNI, 449.

¹ ЗВО, XV, 207

² Ibid., XV, 206.

³ Ibid.

Этот город сильно пострадал, особенно в последние семь лет, когда вследствие междоусобных войн он был разорен 4 раза; оттого и купцов там мало, да и те очень бедны, так что во всем городе я едва мог продать четыре куска саржи. Главнейшие товары, которые там раскупаются, привозятся из Бухары и из Персии; но привозятся они в таком ничтожном количестве, что и упоминать не стоит о том»¹.

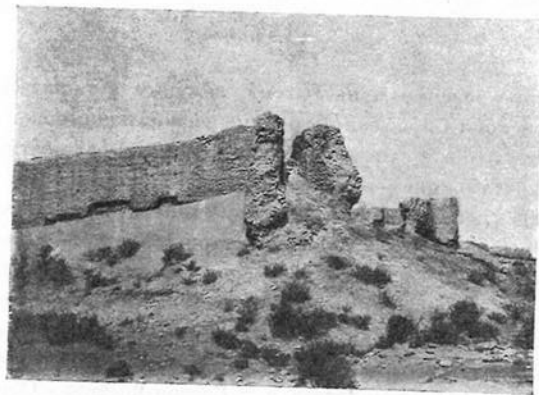
Комментарии в данном случае совершенно излишни. От блестящей столицы Хорезма, все богатство которой было построено на караванной торговле, в середине XVI в. осталась только жалкая тень.

¹ Отрывок этот взят в переводе Н. И. Веселовского, «Очерк Ист. Георг. Свед. о Хивинском ханстве», 118.

Современное селение Куля-Ургенч, лежащее в тапшаузском округе Туркменской ССР, на самой границе песков, напоминает небольшой городок, который своим базаром обслуживает как местных узбеков, так и соседних туркмен—иомудов. Еще А. Н. Самойлович¹ во время поездки в 1908 г. по бывшему Хивинскому ханству отметил, что селение это постепенно врывается в городище старого Ургенча. Со времени его поездки прошло 20 лет и за этот срок процесс внедрения в городище значительно продвинулся вперед. В настоящее время селение своими культурными землями (хлопок, джугара, бахчи) захватило значительно больше $\frac{1}{3}$ всей площади городища, врезаясь в него с Севера и охватывая его с Северо-Запада и с Северо-Востока. Однако, самое печальное для археолога заключается в том, что местное население ежегодно выбирает с городища большое количество земли для удобрения своих полей. Кроме того, местные старатели в разных пунктах городища усиленно добывают селитру. Печально и то, что до сих пор местное и окрестное население считает за честь быть похороненным около могил почитаемых шейхов, отчего площадь современного кладбища отрывает от городища в разных местах не одну десятину земли. В виду ориентировочного и разведочного характера работ, намеченных в поездку 1928 г., мне и моему товарищу по работе Л. Н. Соколову (представитель Средазкомстариса) главную установку пришлось сделать на сбор фотографического, эпиграфического и керамического материалов и на топографические наблюдения.

¹ А. Н. Самойлович «Известия Русского Комитета для Изуч. Средн. и Вост. Азии, № 9, 26.

Однако, совсем отказаться от хотя бы самых примитивных обмеров мы не могли. Так, перед нами встал вопрос о размерах городища и длине его стены, сохранившейся в виде местами прерывающегося вала. С помощью миллиметровой бумаги, при измерении шагами, удалось составить схематический глазомерный план, который, хотя и не может считаться верным, однако, вполне пригоден для приблизительного представления о размерах городища, для ориентации среди большого количества сохранившихся развалин и для, если не решения, то постановки ряда вопросов, связанных с топографической эволюцией города в до-монгольский и монгольский периоды. Городище занимает площадь, которая местами ярко выражает остатки большого города. В общей обводке городская стена (в виде вала) тянется на

Куны-Ургенч. Крепость Ак-Кала.
Вид с востока.

расстоянии не менее 10 километров. К сожалению, вал часто прерывается, особенно в северной части, т.е. там, где культурные земли современного селения отняли у него ряд участков.

В самых общих чертах схема городища может быть сведена к следующему.

В юго-восточном углу его находятся остатки крепости. Имея в окружности несколько более километра, крепость эта сохранила стены и остатки башен, сделанных из сырцового кирпича. У местного населения известна она под именем Ак-Калы. Будучи значительным по своему времени сооружением, крепость была очень выгодно поставлена, ибо южная стена ее выходит непосредственно на старое русло Аму-Дарьи, что делает ее с этой стороны неприступной. Высота крепостных стен изнутри 5,50 м. при ширине (наверху)

в 2 м., сырцовый кирпич небольшого размера $21 \times 21 \times 6$. Внутри крепости находится большое количество цельного и битого жженого кирпича, изразцов и, наконец, фрагментов поливной посуды того же типа, что и в остальных участках городища. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, ибо поливная керамика, находящаяся на территории Ургенча, вся относится ко второй половине XIII и XIV вв. Таким образом можно определенно сказать, что жизнь на участке крепости Ак-Кала была уже во всяком случае в XIV в., а по всей вероятности и значительно раньше. Будущие археологические работы, которые последуют наверное в ближайшее время, не только откроют здесь ряд построек, но и дадут возможность более точно определить то время, к которому нужно отнести и эти

Куны-Ургенч. Крепость Ак-Кала.
Вид с северо-востока.

развалины¹. Правее Ак-Калы, т.е. к западу от нее, в городище старого Ургенча, с южной его окраины, врезается большая прямоугольная, вытянутая с юга на север, площадь, окруженная с западной, восточной и северной стороны валом; с южной стороны вала не видно. Местное население называет площадь почему-то Таш-Калой. В окружности она имеет более 2 километров. В южной части ее, на самой границе городища стоят развалины какого-то большого здания, в виде сохранившегося портала, нижние части которого сильно засыпаны землей. Здание это известно у местного населения

¹ Раскопки, произведенные на территории Ак-Калы экспедицией 1929 г., дали большое количество до-монгольской керамики, из чего совершенно ясно, что место это входило в состав до-монгольского Ургенча.

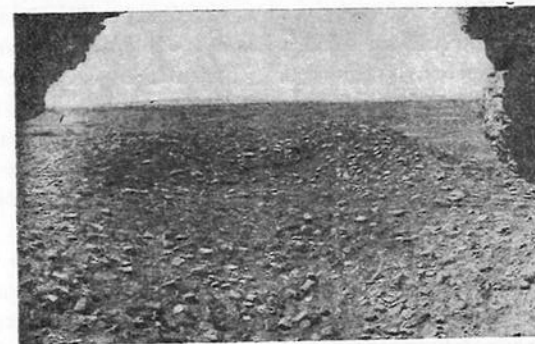
под именем «Караван-Сарая». Судя по архитектурным формам сохранившейся арки и по орнаменту и убранству ее, здание это должно быть отнесено к первой половине XIV в. Характерной чертой Таш-Калы является огромное количество развалин. Правда, здесь нет ничего, кроме подубоженных местами фундаментов и валяющегося жженного (цельного и битого) кирпича, однако, последнего так много, что общее впечатление от всего этого места сводится к тому, что мы имеем здесь для определенного времени наиболее важную и населенную часть города. В северной части Таш-Калы ближе к северо-восточному углу, старожилы указывают место, где еще лет 30 тому назад стоял минарет, о котором они говорят, что он был древнее сохранившегося до наших дней и стоящего почти в центре городища Куня-Ургенч. Характерной чертой «Таш-Калы» является, кроме того, сравнительно малое количество черепков поливной и неполойной посуды, что вполне понятно, ибо почти весь этот район покрыт кирпичем от давно рухнувших построек. Еще дальше на запад, в юго-западном участке городища, частично за его пределами, находится огромная площадь, обнесенная глинобитной стеной нового происхождения, имеющая в окружности также более двух километров. У местного населения она известна под именем Хорезм-Бага. По поводу этого места у А. Куна есть следующие слова:¹ «Уверяют, что Магомед-Амин-хан², осматривая развалины старого Ургенча, хотел было возобновить древнюю столицу Хорезма и перенести сюда резиденцию свою из Хивы. В этих видах к северо-востоку от Ак-Калы³, он отвел место для нового города, дворца своего и сада и уже возведена была стена вокруг места, где предполагалось возвести сад. Но намерения Магомед-Амин-хана не суждено было осуществиться. Вскоре после постройки этой стены он погиб в войне с туркменами». Строчки эти, написанные А. Куном, спустя каких нибудь 18—20 лет после смерти Мухаммед-Амин-хана вполне оправдывают название Хорезм-Бага, которое по преданию дошло и до наших дней. Характерно, что он сделал попытку возобновить поселение на развалинах старого города, ибо почти в центре Хорезм-Бага (ближе к восточной и северной части его) находится большой холм, густо усеянный цельным и битым жженным кирпичем, среди которого попадает большое количество обломков изразцов бирюзового, синего, белого цветов, по своим техническим свойствам и по чистоте своих полив вполне отвечающих эпохе керамического развития Ургенча

¹ А. Кун, Материалы для статистики Турк. Края, вып. IV, 214—215, 1876 г.

² Мухаммед-Амин-хан, 1846—1855.

³ А. Кун в своей статье дает неправильную ориентацию по частям света.

Золотоордынского периода, т.-е. первой половины XIV в. (напр., мавзоль Тюрабек-Ханым). По всей территории Хорезм-Бага встречаются и черепки поливной посуды, вполне отвечающие тем, что находятся и в остальных частях городища. Таким образом, и это место жило

Куня-Ургенч. Общий вид на развалины города с юга (Таш-Кала).

культурной жизнью в XIV и, по всей вероятности, во второй половине XIII в., т.-е. в монгольский период. Вопрос о судьбе его в до-монгольский период требует дополнительных наблюдений. Но вернемся

Куня-Ургенч. Сухое русло старого арыка.

к Мухаммед-Амин-хану, о котором говорит А. Кун. Слова его подтверждаются. В. В. Бартольд в своей книге «К истории орошения Туркестана»¹ приводит известие, что по приказанию Мухаммед-Амин-хана в 1846—1847 г. в Ургенчском районе были произведены большие

¹ Стр. 100.

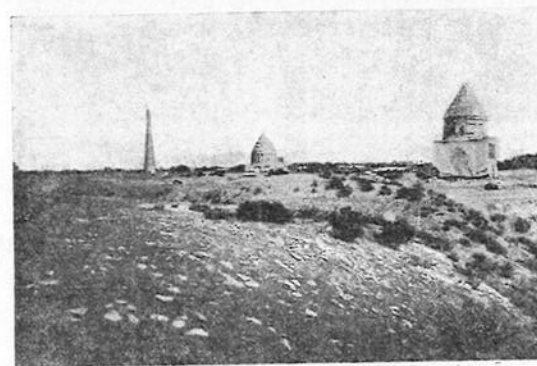
росительные работы. На старом русле была устроена плотина и река вновь покатила свои воды мимо старого Ургенча, который собирались вернуть к жизни.

Выше я уже указывал, что северная часть городища (приблизительно в $\frac{1}{3}$ всей площади) захвачена в настоящее время под культурные земли. Несомненно, что, за исключением случайных находок, рассчитывать на получение отсюда большого количества ценных материалов не приходится. Лучше всего сохранился восточный вал городища. Имея в длину с юга на север значительно более двух километров, вал этот местами прерывается, хотя повсюду хорошо видно его прямолинейное направление. В некоторых точках вала хорошо заметны значительные расширения, которые указывают, что здесь были какие-то строения, ибо кругом валяется много цельного и битого жженого кирпича. Любопытно, что на восточном валу, в южной его части, попадаются довольно часто так называемые сферо-конические сосуды (некоторые из осколков легко складываются и образуют цельные экземпляры). В таком же количестве попадаются фрагменты сферо-конических сосудов и за валом внутри городища, в районе, близком к указанной части восточной стены. Попадают они и в других районах, но уже значительно реже.

Труднее проследить северную стену. Благодаря тому, что она находится уже в полосе культурных земель, стена чаще перебита перебивами и пришлось потратить довольно много времени, чтобы не сбиться и наметить ее направление. Несколько легче обстоит дело с западной стеной, хотя и здесь линия не раз обрывается входящими в нее джугаровыми и хлопковыми полями. Однако, проследить до конца (с севера на юг) западную стену невозможно, ибо Хорезм-Баг перебивает ее своим построением. Что же касается южной стены, то местами она хорошо сохранилась. В юго-восточном углу находится Ак-Кала, в юго-западном участке — Хорезм-Баг, а в промежутке за зданием т. н. «Караван-Сарая» идут кучи цельного и битого кирпича, за которыми недалеко (не более 250 сажень) виднеется полузасыпанное песком старое русло Аму-Дарьи, известное у местных жителей под именем Дарьялык. Следы городского поселения не ограничиваются городищем, окруженным валом; в ближайшем округе в большом количестве разбросаны курганы, попадаются кучи цельного и битого кирпича, встречаются черепки поливной и неполивной посуды, а иногда и большие холмы со следами бывших построек. Больше всего таких остатков сохранилось за западной стеной, и это понятно, ибо ближайшие участки за восточной стеной уже давно взяты под культурные земли, хотя многие из них, особенно, в южной части, лежат последнее десятилетие в необработанном виде. Не подлежит сомнению, что

территория города выходила далеко за пределы того места, которое было ограждено стеной. Едва ли только удастся точно установить размеры города, ибо многие места за городскими стенами так перепаханы, что от прежнего поселения на поверхности не осталось никаких следов.

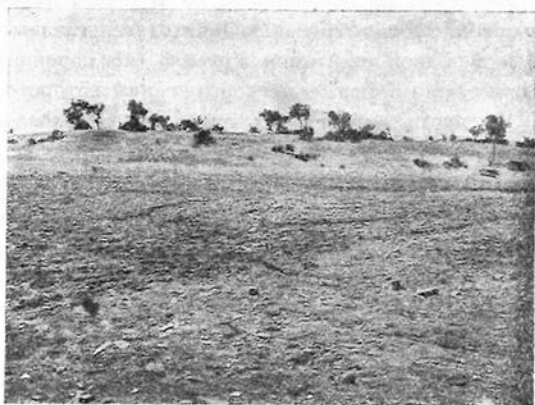
Внутри вышеописанного городища и находятся главные из сохранившихся до наших дней памятники Ургенча (исключение составляет мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра, о местоположении которого будет сказано ниже). Не входя сейчас в их описание, я только отмечу их местоположение. Как бы в центре городища (ближе к восточной стене) высится знаменитый Ургенчский минарет; к северо-западу от него, в нескольких стах саженях стоит мавзолей Тюрбек-Ханым; к юго-востоку от минарета, приблизительно 80—90 саж. от него —

Куля-Ургенч. Вид на минарет и мавзолей с юга.

мавзолей над мнимой или действительной могилой шейха Шерефа (Шарап-Баба в местном произношении). На юго-восток от последнего, приблизительно на расстоянии 130 сажень находится мавзолей над легендарной (мнимой) могилой Фахр-ад-дин-Рази (Пахрази в местном произношении). В нескольких десятках шагов на запад от минарета расположен большой по размерам, но невысокий холм, весь покрытый битым жженным кирпичем, между отдельными кусками которого попадаются фрагменты изразцов — синего, бирюзового и белого цветов. Среди последних встретился большой фрагмент резной поливной терракоты очень тонкой работы. Едва ли будет ошибкой предположить, что здесь стояла соборная мечеть, минарет от которой сохранился до наших дней. Однако, уже по тем немногим признакам, которые даны на поверхности, постройка эта имела изразцовое убранство, относящееся к более позднему времени, чем минарет. По всей вероятности, рухнувшая мечеть, выстроенная одновременно с минаретом,

подверглась перестройке в монгольский период жизни города. Так по крайней мере говорят об этом найденные изразцы. Между минаретом и восточной стеной, ближе к последней, лежит большой

Куя-Ургенч. Бугор на запад от минарета, где, повидому, стояла соборная мечеть.

холм. На поверхности его также валяется цельный и битый кирпич, а также встречаются битые и цельные изразцы. По словам старожил-ов существует предание, что здесь стояло большое медресе. Недалеко

Куя-Ургенч. Бугор на восток от минарета, где, повидому, стояло медресе.

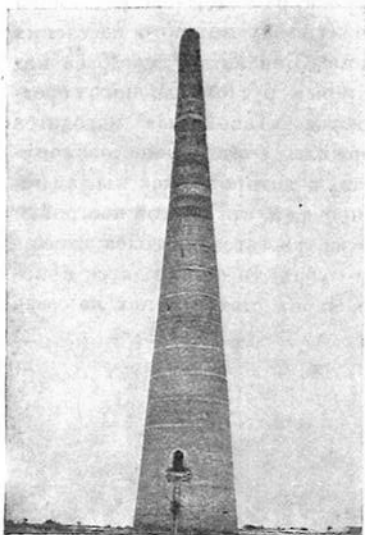
от северо-восточного угла городища, в пределах, огражденных стеной, лежат рухнувшие стены постройки, известной у населения под именем Юсуф-Бека. На самой южной границе, почти посредине между

Ак-Калой и Хорезм-Багом, ближе к первой, расположены развалины вышеупомянутого здания, которое почему-то у местного населения носит название «Караван-Сарая». Наконец, на юг от мавзолея над мнимой могилой Фахр-ад-дин-Рази, за старым руслом большого городского арыка, в северо-восточном участке «Таш-Калы» находится воронкообразный холм, который старожилы считают местоположением рухнувшего 30 лет назад минарета, к которому, как мы увидим ниже, и относится вышеупомянутая свинцовая плита с датой постройки его в 401 г. хил.—1011 г. н. э. Что же касается мавзолея известного Ургенчского шейха Наджм-ад-дин-Кубра, то он находится в ближайших окрестностях городища в нескольких стах саженях на север от северной стены (вала).

Куя-Ургенч. Место, где стоял минарет 1011 г. н. э.

Перейду теперь к вопросу о следах, оставленных орошением старого Ургенча. Арыков, хотя и безводных, проходящих на площади городища, довольно много, однако, почти все они, повидому, недавнего происхождения. Только в южной части города видны следы несомненно старого большого арыка. Русло его резко отличается от остальных арыков. По нему сейчас проходит проезжая дорога, в некоторых же местах его, по сохранившемуся берегу видно большое количество фрагментов поливной посуды, среди которых часто попадаются образцы брака, что свидетельствует о наличии здесь гончарных мастерских. Русло этого арыка, входя в город около Ак-Калы, т. е. в юго-восточном углу городища, идет сначала на север, потом огибает с северной стороны «Таш-Калу» и, держа направление на запад, выходит к территории, которая сейчас известна под именем Хорезм-Бага. Русло это, как мне кажется, единственный не

Куны-Ургенч. Общий вид на минарет с запада.

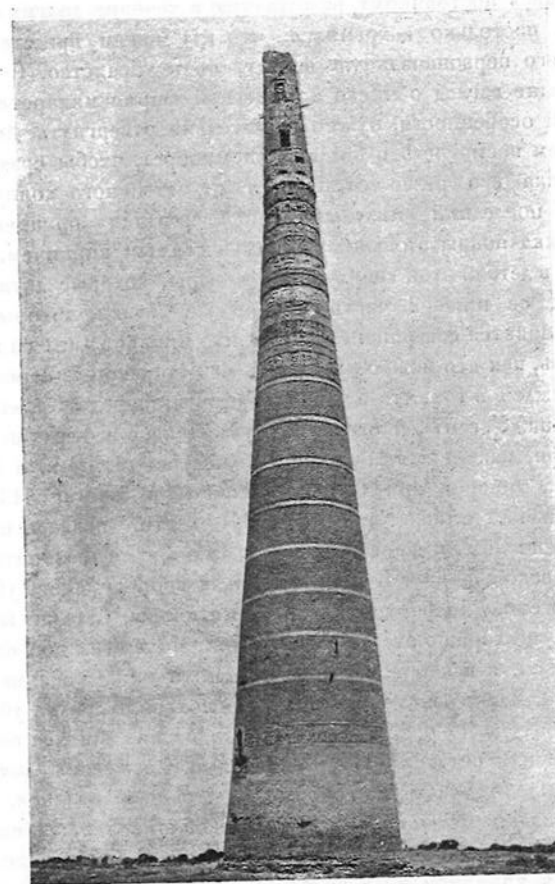
вызывающий сомнения след старого орошения Ургенча. Голова его, по-видимому, была совсем близко к юго-востоку от южной границы города. Там сейчас пески, но, несмотря на это, хорошо видны следы старого русла Аму-Дарьи, вернее его главного протока, который в монгольский период шел по направлению к Каспийскому морю.

Чрезвычайно большой интерес представляет собою городище и с керамической точки зрения. В нем есть участки, где фрагменты попадают на каждом шагу. В этом отношении чрезвычайно характерен район, расположенный к югу от мавзолея над мнимой могилой Фахр-ад-дин-Рази. Здесь по берегу старого русла вышеупомянутого арыка видны явные следы керамических мастерских. Лучше всего об этом свидетельствуют черепки бракованной посуды. Много черепков встречается и в других местах, как то: в юго-восточной части городища, ближе к восточной стене, в районе между мавзолеями Шейх-Шереф, Фахр-ад-дин-Рази и площадью «Таш-Кала», в разных точках мест, близлежащих к руслу старого арыка. Встречаются они и в других местах городища, но в меньшем количестве.

В Ургенче, даже при беглом осмотре, намечаются несколько типов поливной посуды, которая повсюду и встречается с той только разницей, что в одних местах черепки от нее находятся в большом количестве, в других — в меньшем. Вся она относится ко второй половине XIII и XIV вв. В виду того, что о поливной керамике Ургенча мною написана отдельная статья «Хорезм в керамике Сарая»¹, где она не только описана, но и разобрано ее важное значение для понимания культурной жизни Золотоордынского Поволжья, я считаю целесообразным разобрать ее здесь описать. Что же касается черепков от неположенной керамики, то работу эту нужно будет еще произвести в ближайшее время в связи с намеченной летом 1929 г. экспедицией в Ургенч.

¹ Печатается в «Записках Отдела Востока Гос. Эрмитажа».

Перейду теперь к краткому описанию отдельных памятников. Среди Ургенчских построек более всего привлекает внимание знаменитый минарет. В 1873 г., когда здесь был А. Кун, минарет не был един-

Куны-Ургенч. Общий вид на минарет с юга.

ственным, в 150 с. на юг¹ от него стоял другой, который по словам жителей рухнул 29—30 лет тому назад. Не подлежит сомнению, что

¹ Что это так, подтверждается той фотографией, которая помещена в книге Henry Landsell, «Through Central Asia», 517. На ней хорошо видны два минарета, из которых один находится на юг от другого. Landsell был в Ургенче после А. Куна. Его краткое описание городища по сравнению с А. Куном не дает ничего нового.

среди сохранившихся минаретов на территории Средней Азии он представляет исключительный интерес. Имея в высоту 58, 89 м., он на высоте человеческого роста дает 35 метров в окружности¹.

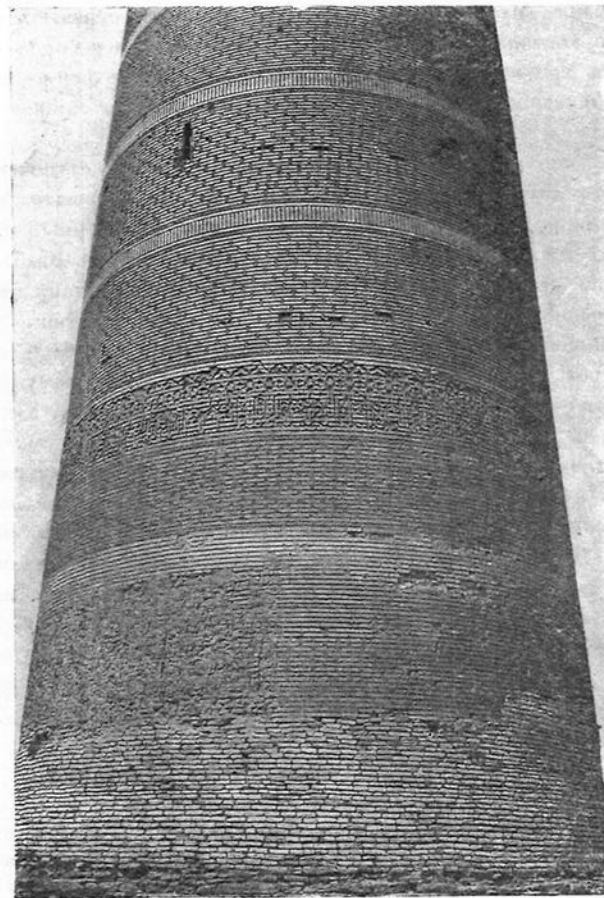
Подвергаясь постоянному разрушению в течение долгих столетий, он все же настолько сохранился, что мы можем представить себе не только его первоначальную форму, но и убранство. Существующий и поныне взгляд о чисто конической форме минарета, как его характерной особенности, нужно решительно отвергнуть. Достаточно со вниманием посмотреть в бинокль на минарет, чтобы сразу понять, что верхушка его резко отличается от остального корпуса. В то время, как последний снизу до этой «верхушки» орнаментирован, сама верхушка покрыта обыкновенным жженным кирпичем. Всматриваясь далее в детали этой «верхушки», в дыры, которые двумя рядами идут вокруг ее нижней части, в арчевые² балки, которые торчат наружу, становится совершенно ясным, что минарет имел на верхушке своей фонарь, как это можно наблюдать на бухарском минарете 1121 г. Глубоко убежден в том, что близкие к нему минареты Караханидской эпохи (Бурана, Узгент), постепенно сужающиеся к верхушке, имели также фонари, как имеют аналогичные постройки XII в. в Передней Азии, напр., минарет при большой мечети в Мосуле 543 г. хид³ и до-монгольский минарет в Бистаме. При этом подходе к вопросу о Куня-Ургенчском минарете, нельзя будет уже говорить о его чисто конической форме. Перейду теперь к вопросу об его убранстве. Весь минарет снизу до фонаря, который его венчал, отделан жженным, неполивным, но хорошо отшлифованным кирпичем (размер его 30 см. в длину и 5 см. в высоту), который и приготовлялся специально для орнаментации. Насколько можно судить по сохранившемуся убранству, минарет разбит на 17 орнаментных поясов, из них 4 пояса сохранили свои надписи или остатки их (три—большую часть своих слов, один—только отдельные буквы), 3 пояса утерали свои надписи, оставив после себя только небольшой след в виде обломков отдельных букв, 10 же поясов украшены вышеупомянутым жженным, неполивным, полированным кирпичем и терракотовыми фигурными переборками, некоторые из которых (в двух верхних поясах) покрыты бирюзовой глазурью. Остановившись на самой орнаментации, следует заметить,

¹ А. Кун в статье «От Хивы до Кунграда» считает его высоту в 22 саж. при диаметре 10 саж. в основании. Мат. для статистики Турк. Край, вып. IV, 213—214.

² Быть может, это и другое дерево; решить можно только ближайшим осмотром, чего пока по техническим условиям сделать не удалось.

³ Sarre und Herzfeld, Archäologische Reise im Euphrat und Tigris, Band III, Taf. IXC.

что каждый из поясов, начиная с нижней надписи, резко отделен от другого узким поясом из кирпичей, поставленных на ребро стоймя (по вертикали) и таким образом выделяется даже на большом расстоянии. Каждый из поясов, имея в основании узкую ленту в виде

Куя-Ургенч. Минарет, нижняя часть.

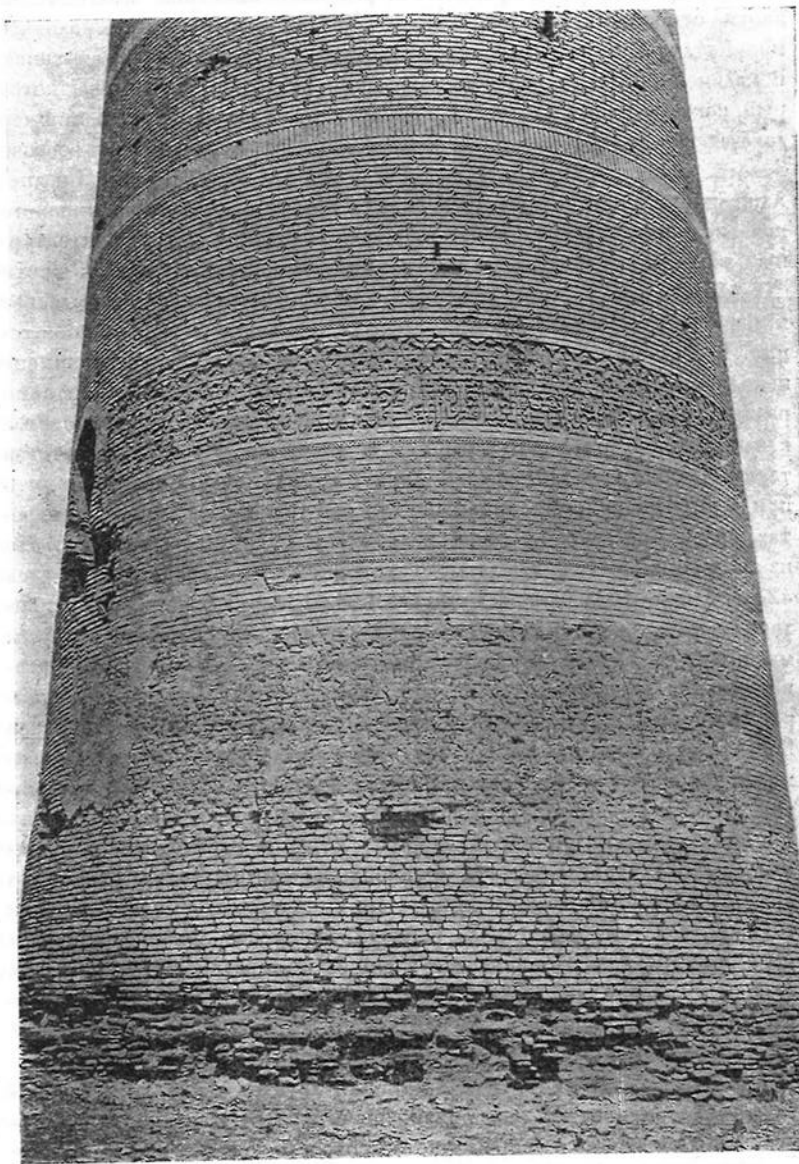
витого «жгута» и тесьму из одного ряда кирпичей, дает закономерно выдержанную кладку, которая замыкается теми же элементами. Каждый из кирпичей, которыми убран пояс, четко выделяется своим контуром, благодаря тому, что прокладка между кирпичами достигает почти 2 см. Сама кладка развивается следующим образом. Каждые

два кирпича, положенные «лежком» друг на друга, отделяются в горизонтально круговом направлении от другой пары кирпичей фигурной терракотовой переборкой, которая для данного пояса одна и та же. Следующий ряд, если считать вверх, обходя вокруг минарета, повторяет то же закономерное чередование кирпичей и переборок, причем последние (путем определенного чередования) образуют в поясе правильно построенную сетку. Среди неполивных переборок удалось установить три вида. К сожалению, переборки в верхней части минарета так далеко отстоят от смотрящего, что даже в бинокль трудно установить их точный рисунок.

Внутри минарета находится витая лестница в 145 ступеней, которая, однако, доходит лишь до того места, откуда был выход на площадку фонаря. Любопытно, что вход в минарет, обращенный на запад, отстоит от земли на высоте 8 (приблизительно) метров. Надо думать, что он был либо с отдельной площадки соседнего здания (мечети), либо с крыши одной из его частей. Как известно, в Ургенче, в основании минарета была найдена свинцовая плита, где было сказано что минарет построен хорезмшахом Абу-л-Аббасом Мамуном ибн Мамуном в 401 г. хид.—1011 г. н. э.¹ Считалось, что плита эта относится к сохранившемуся минарету, однако это не так. И дело здесь не только в том, что в нем нет совсем места, которое имело бы след от вынутой оттуда плиты, а в том, что на минарете сохранилась арабская надпись, исполненная в стиле «цветущего куфи», которая дает имя его строителя. Вот что гласит она: «Счастливейший из царей двух миров, царь, Аллах облагодетельствовал его милостью и открыл ему врата истины и он — царь могущественный, патрон царей арабов и не арабов, блеск земного мира и веры, величие ислама и мусульман, Кутлуг-Тимур, сын великого эмира Наджем-ад-дауля-уд-дин, да продлит Аллах победу ислама среди и построение этого здания — в дни власти могущественного султана Узбек-хана, да продлит Аллах царство его»². Итак надпись совер-

¹ ЗВО XIV. Надпись найдена в 1317 г. хид.—1899—1900 г. н. э.

² Надпись для чтения оказалась очень трудной, как по начертанию букв и их попорченности (многие из букв в конце надписи на $\frac{1}{2}$ и на $\frac{2}{3}$ выбиты), так и потому, что без лесов не удалось сделать четких фотографий. Долгое время я так и не мог прочесть имя правителя, которое, судя по контексту заключалось в надписи. И только недавно в беседе со мной архитектор Б. Н. Засыпкин сообщил мне, что по словам В. Л. Вяткина в надписи значится имя монгольского правителя. Сообщение это заставило меня взяться вновь за чтение надписи. Вторичное чтение убедило меня в правоте В. Л. Вяткина. В ней действительно значится имя Кутлуг-Тимура. В настоящее время за исключением двух слов, обозначенных у меня в переводе точками, вся надпись может считаться прочитанной. В правильном чтении некоторых слов мне помогли В. В. Бартольд и И. Ю. и В. А. Крачковские, за что я и приношу им благодарность.

Кунья-Ургенч. Минарет, нижняя часть. Вид с юго-запада.

шенно определенно говорит, что перед нами памятник монгольской эпохи, относящийся ко времени между 1321—1340 г. (Год назначения Кутлуг-Тимура наместником в Хорезме и год смерти Узбек-хана). В надписи поражает необычно громкий титул Кутлуг-Тимура, который, как известно, был только наместником Узбек-Хана. Это лишнее доказательство тому, какое огромное значение имел Хорезм в составе Золотоордынского государства. Для всякого, кто знаком с Средне-Азиатскими постройками имя Кутлуг-Тимура в надписи на минарете явилась полной неожиданностью, ибо минарет всем своим архитектурным обликом выглядит, как типичное сооружение Караханидской эпохи (XI—XII в.). И в самом деле, наиболее характерным, что выделяет минареты этой эпохи от последующих, является способ орнаментации. Все они выложены в разнообразный геометрический орнамент неполивными обожженными кирпичами и кирпичными плитками разных размеров. Эта общая черта в одинаковой мере относится к минаретам Термеза, Бухары и к т. н. «Башне Бурана», не считая таких же построек в Передней Азии. Она настолько характерна, что при всем разнообразии орнаментного рисунка на указанных минаретах, сразу бросается в глаза всякому, кто с ними знакомится. Два из них имеют точные даты. Так, Термезский минарет датируется 423 г. хид. — 1031 г. н. э., Бухарский выстроен во времена Арслан-хана — 1121 г. н. э. Наличие этих дат дает нам веки, по которым мы получаем возможность проследить эволюцию этих построек. Остановлюсь на общей характеристике Термезского и Бухарского минаретов. Первый из них, исследованный экспедицией Московского музея Восточных Культур в 1926 и 1927 гг.¹, представляет собою в сохранившейся части небольшую (сравнительно) постройку в 13,30 м. высотой. Будучи в основании квадратным, минарет через восьмигранник принимает цилиндрическую форму. Убранный неполивным обожженным кирпичем, он имеет орнаментную кладку, которую принято обозначать термином «в разбежку». На минарете сохранилось 4 пояса надписи, где типичное для XI в. куфи чередуется с геометрическим плетением. Каждый из поясов с куфическими надписями отделен от основной кладки «в разбежку» узким пояском из кирпичей, поставленных на ребро стоймя (по вертикали).

Перейдем теперь к рассмотрению Бухарского минарета 1121 г. Всего 90 лет отделяют эти 2 постройки друг от друга, но путь, пройденный орнаментной эволюцией, значителен. Бухарский минарет — уже монументальное сооружение высотой в 52 м., форма его не цилиндрическая, а коническая. Весь смысл перехода от цилиндриче-

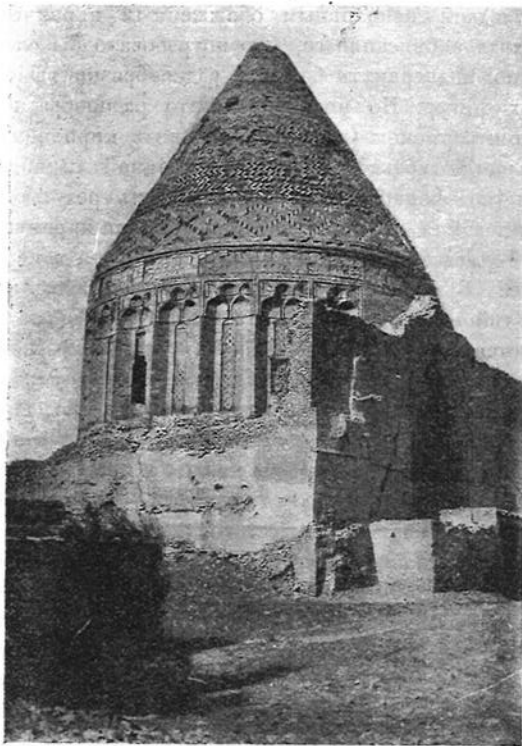
ской формы к конической вызван установкой на вершине минарета фанаря. Без фанаря коническая форма — ни с какой точки не целесообразна. Фанарь же, поставленный на цилиндре, дает сухие формы, неприятные для глаза линии. Отсюда становится понятным стремление поставить фанарь на коническое тело минарета. И действительно, в результате мы получаем очень мягкие линии постройки. Весь корпус Бухарского минарета 1121 г. сверху до низу убран геометрической фигурной кладкой неполивным обожженным кирпичем разных размеров. Не входя в описание ее, что потребовало бы специальной работы, нужно подчеркнуть большое разнообразие выложенных геометрических фигур. Но несмотря на это разнообразие, которое достигается одним приемом (кладка обожженным кирпичем), совершенно новым является только пояс глазурированной надписи и сталактитовое убранство фанаря, все остальное есть результат многостороннего использования для орнаментации того же кирпича, которым обработан и Термезский минарет. Любопытно, что в первом орнаментном поясе Бухарского минарета дано переживание кладки «в разбежку» с той только разницей, что здесь круговые горизонтальные линии представлены парными кирпичами, а в Термезском минарете — одним. По орнаментной геометрической кладке ближе всего к Бухарскому Узгентский минарет. Есть все стилистические основания полагать, что он на несколько десятилетий даже старше Бухарского. В шестом поясе (считая снизу) мы найдем у него кладку, аналогичную нижнему поясу Бухарского, а в пятом — кладку совершенно близкую, чтобы не сказать тождественную, Ургенчскому. Итак, если бы мы опирались только на сравнительный анализ орнаментного убранства вышеупомянутых минаретов, у нас была бы полная возможность отнести Ургенчский минарет к до-монгольской эпохе. Однако, судя по надписи, это не так. Таким образом монгольская эпоха, которая своими памятниками в Средней Азии лучше всего представлена в Ургенче, не сразу порвала с до-монгольской строительной техникой. Судя по Ургенчскому минарету, еще в первой половине XIV в. рядом с новым типом построек (Тюрбек-ханым) существовали еще старые традиции. Во второй половине XIV и в XV в. этого мы не увидим совсем.

В 80—90 с. на юго-восток от минарета находится мавзолей над действительной или мнимой могилой Шейха-Шерефа (в местном произношении Шарап-Баба).¹ Это — прекрасный памятник, предста-

¹ Шейх Шериф-Ходжа жил в начале XIV в. Является автором книги «Му'ин-ал-Мюрид», написанной в 713 г. хид. Одно время жил в Ургенче. По словам А. Н. Самойловича (З. В. О. XVIII) по преданию похоронен в Нухуре — горный аул в Ашхабадском районе.

¹ Б. Н. Засыпкин, Культ. Востока. Сборник Муз. Вост. Культур II, 19—22.

вляющий собою здание, в нижней части квадратное, в верхней — 24-гранное почти цилиндрическое, увенчанное коническим куполом. Мавзолей сильно пострадал и многие части его облицовки утеряны навсегда. Будучи для Средней Азии необычным по своим архитектурным формам, он являет собою интересное сочетание двух приемов орнаментации. Одни части его облицованы изразцами, а другие — по-

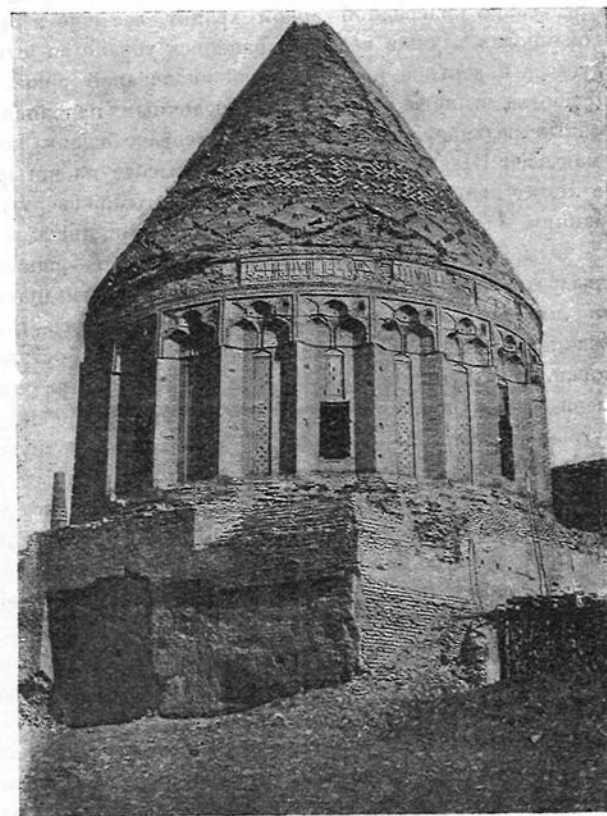
Куны-Ургенч. Мавзолей Шейх-Шереф
Вид с северо-востока.

эта была несомненно лучшим украшением мавзолея. Плиты отличались исключительной чистотой бирюзового цвета, покрыты

¹ Надпись коранического содержания, часть ее заключала суру 23, стих 88, что видно по нескольким сохранившимся словам.

² Четыре таких плиты находятся в Отделе Востока Гос. Эрмитажа и считаются даром Кауфмана, который получил их от А. Куна, который, повидимому, снял их в свою поездку 1873 г.

рельефными буквами, характерной технической особенностью которой была следующая черта. Сделанные отдельно от плит, буквы наклеивались на них и только потом подвергались поливе и обжигу. Цилиндрическая часть здания разбита на 24 ниши¹, отделенные друг от друга трехгранными призмами, обращенными наружу острым

Куны-Ургенч. Мавзолей Шейх-Шереф.
Вид с юго-востока.

углом. Каждая из ниш имеет сверху сталактитовое оформление в два ряда, а в глубине их вделаны выгнутые прямоугольные рамы, образованные резной теракотовой лентой, которые заполнены геометрическим орнаментом, выложенным облицованными, полированными кирпичиками разных размеров. Да и вообще вся композиция

¹ Фактически их 22, ибо место остальных двух занято порталом.

орнаментного убранства этих ниш построена на использовании вышеупомянутого кирпича в форме строгого и простого геометрического орнамента. Что же касается прямоугольных стен (в плане квадрат) нижней части здания, то они находятся в состоянии переделки и перекладки кирпичем и никаких следов орнаментного убранства снаружи не имеют. И только полуразрушенный портал, обращенный на север, с несколько килевидной аркой хранит все еще в себе следы богатой облицовки. Лучшее всего сохранилось убранство сталактитового полусвода и верхней части входной килевидной арки. И здесь та же обработка вышеупомянутым облицовочным неполированным кирпичем разных размеров, да небольшими терракотовыми колонками. Внутри мавзолей Шейх-Шереф делится по высоте на четыре части. В основе лежит квадрат с небольшими срезами углов вверху. Выше — восьмиграннык, образованный четырьмя плоскими нишами над стенами и четырьмя глубокими гранными нишами — парусами над углами квадрата. Третий невысокий ярус занят шестнадцатью полукруглыми нишами, образованными в виде раковины. Восемь из них, лежащие над углами восьмигранника поглубже, остальные совсем плоские. Над этим поясом, слегка нависая внутрь здания, лежит килевидный купол, без всяких украшений, если не считать ряда круглых отверстий, образующих двенадцатиконечную звезду. Значение этой постройки не только в ее художественных достоинствах, но и в ее особенностях, которые резко отделяют этот мавзолей от других построек Средней Азии. Среди сохранившихся зданий Туркестана он не имеет себе аналогий. Наоборот, формы этой постройки уводят нас на Запад, в северную Персию и в Малую Азию. Глядя на нее, невольно вспоминаешь цилиндрический с упавшим коническим куполом мавзолей в Рее¹, Радканскую башню², башню Кабуса³, Мавзолей в Эрзеруме⁴ и Ахлате⁵. Внимание исследователя для решения вопроса о происхождении мавзолей Шейха-Шерефа должно быть сосредоточено именно в этих районах. Из всех упомянутых построек мавзолей Шейха-Шерефа ближе всего по своим формам подходит к мавзолею в Рее и к Радканской башне, построенной недалеко от города Радкана (между Мешхедом и Кучаном) и относящейся согласно надписи к началу XIII в.⁶ Будучи мавзолеем, Радканская башня представляет

¹ J. Dieulafoy.

² E. Diez, *Churassanische Baudenkmäler*, стр. 36 сл., 87 сл. В. В. Бартольд, *Башня Кабуса в ЕРИИИ*, I, 123—125.

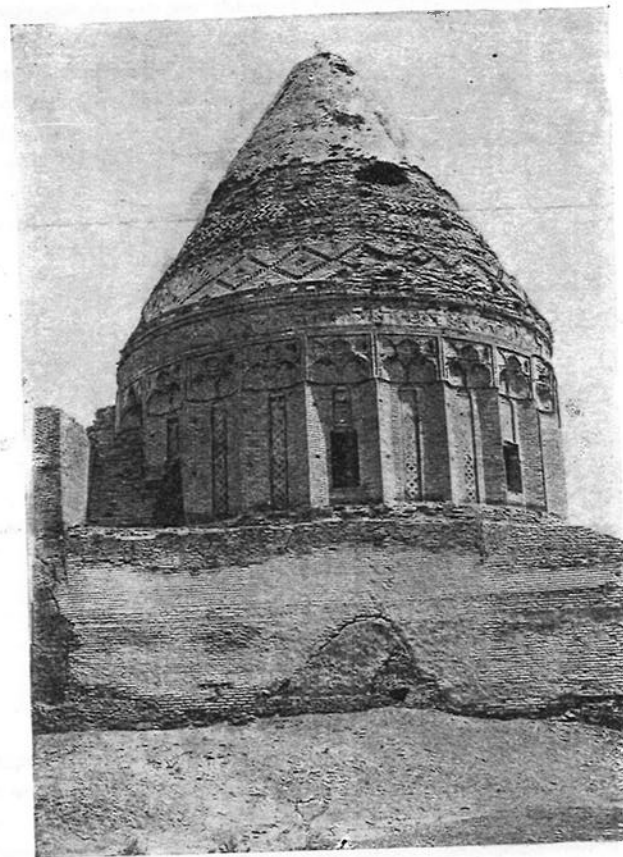
³ Протоколы Турк. Кружка Любви. Археол., V, 184—190; В. В. Бартольд, *ibid.*, 121—124.

⁴ Bachmann, Walter: *Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan*, Taf. 71.

⁵ *Ibid.*, 60—62; Taf., 46; 62—63. Taf., 50.

⁶ F. Diez и В. В. Бартольд (*ibid.*).

собой высокое цилиндрическое сооружение с коническим куполом и круговой надписью у основания купола. Того же типа и мавзолей в Рее, хотя и меньших размеров. Ургенчский мавзолей Шейха-Шерефа значительно ниже, в силу чего и получил возможность входную дверь украсить порталом, чего нет, да и не могло быть (в силу большой вы-

Кунья-Ургенч. Мавзолей Шейха-Шереф.
Вид с запада.

соты) на Радканской башне и на мавзолее в Рее. Не входя в сравнительный анализ этих построек, что является предметом отдельной работы, хочется подчеркнуть, что родину их надо искать не в северной Персии, даже не в Малой Азии, а на Кавказе. Что же касается мавзолея Шейха-Шерефа, то надо думать, что он воспринял влияние

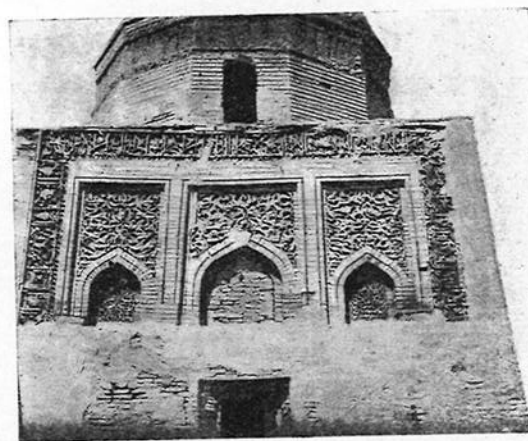
Кавказа не непосредственно, а отраженно через Персию. Перехожу теперь к вопросу о времени построения мавзолея Шейха-Шерефа. Даты на постройке нет, сохранившиеся части надписи, как выше сказано, коранического содержания. Если бы у нас была уверенность

Куны-Ургенч. Мавзолей Фахр-ад-дин-Рази.
Вид с востока.

думать, что это здание действительно поставлено над могилой Шейха-Шерефа, то мы могли его отнести к первой половине XIV в., однако, сама постройка говорит о другом. Конечно, сами архитектурные формы для этого времени нас смущать не могут, ибо подобные постройки из камня возводились на СЗ берегу Ванского озера в Алхате

не только в конце XIII в. (Большой Мавзолей), но и в 30-х годах XIV в. (Малый Мавзолей). Смущает меня техника, в которой сработан и украшен этот мавзолей. Изразец, которым обработан его купол, совершенно не похож на изразцы на мавзолее Тюрбек-Ханым. Особенно резко отличаются бирюзовые плиты с упомянутой надписью, где отдельные буквы не вырезаны и отштампованы, а наклепаны. Последний прием отражает в себе более раннюю технику, чем та, в которой построены мавзолей Тюрбек-Ханым и мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра, относящиеся к 20-м годам XIV в. Вышеприведенные соображения и заставляют меня отнести постройку эту на ряд десятилетий раньше, т.-е. ко второй половине XIII в.

Куны-Ургенч. Мавзолей Фахр-ад-дин-Рази.
Верняя часть входной стены. Вид с востока.

Теперь остановлюсь на мавзолее, который поставлен над легендарной могилой Фахр-ад-дин-Рази (в местном произношении Пахрази). Говорю «легендарной», ибо Фахр-ад-дин-Рази, хотя и связан был с Ургенчем¹, однако, как сообщил мне В. В. Бартольд, умер в 606 г. хид. в Герате. Более того, у Васыфи есть точные исторические сведения, что еще в XVI в. в том же Герате существовал мавзолей Фахр-Рази². Этот интересный памятник находится приблизительно в 130 с. на юго-восток от мавзолея Шейх-Шерефа. Представляя из себя квадратное здание, он увенчен двенадцатигранным куполом на двенадцатигранном барабане. В настоящее время от всего убранства

¹ В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, 462.

² Васыфи, Рукопись Аз. муз., 568 ва, т. 240 б.

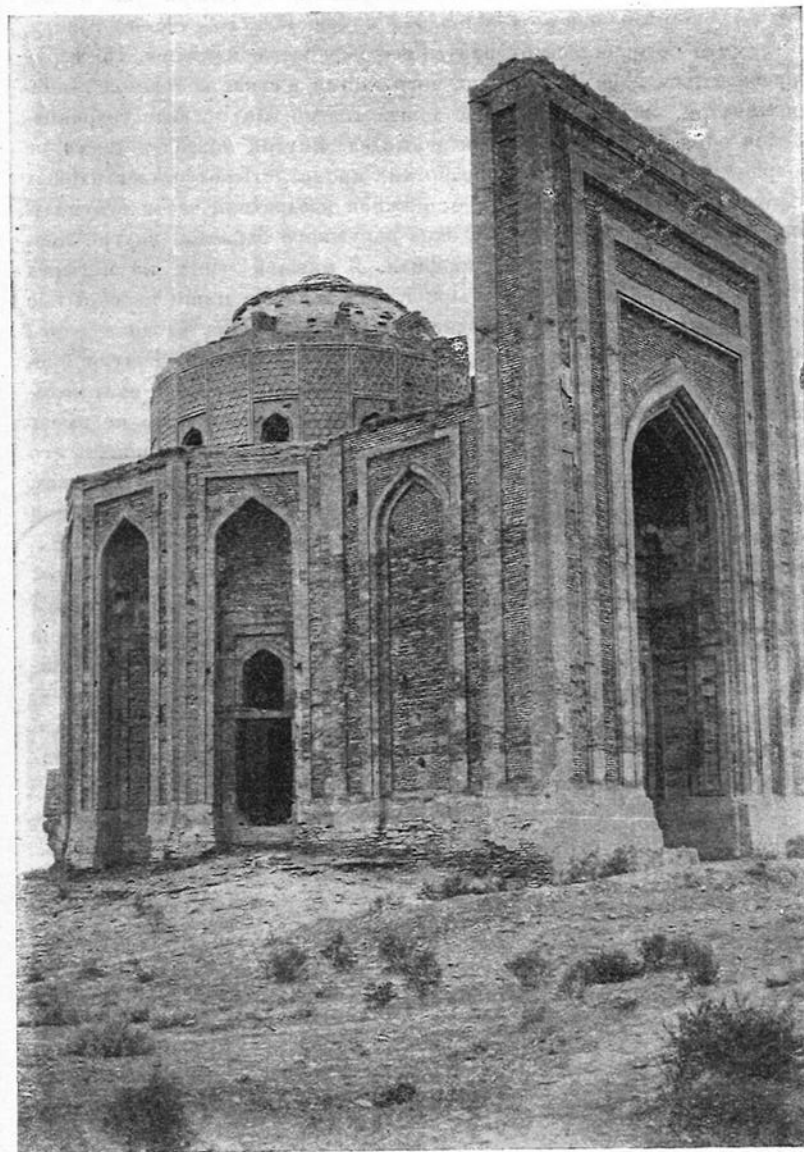
здания сравнительно хорошо сохранилась лишь облицовка купола, выполненная глазурованным бирюзовым (с зеленым отливом) кирпичем, выложенным в виде правильно чередующихся ромбов. Сохранилось убранство и верхней части входной стены, которая разбита на три прямоугольных ниши с вделанными в них глухими стрельчатыми окнами. Каждая из ниш покрыта резной неполивной терракотой

Куны-Ургенч. Мавзолей Фахр-ад-дин-Рази.
Вид с запада.

с богатым растительным орнаментом (художественно и тонко выполненная композиция из двулистников, трилистников и однолистников). В среднем стрельчатом глухом окне резная терракота выпала. Все это убранное резными терракотами поле обрамлено четырехугольной рамой арабской надписи¹, идущей среди пышного растительного орнамента. Рама выполнена также в резной неполивной терракоте. К сожалению,

¹ Надпись лишена исторического содержания.

Куны-Ургенч. Мавзолей Тюрбек-Ханым.
Вид с юго-запада.

многие из букв надписи сильно пострадали, не говоря уже о том, что она утратила навсегда начало и конец. Вот, собственно говоря, и все, что сохранилось от наружного убранства мавзолея. По верху барабана шел пояс из надписи, повидимому, в стиле и технике вышеупомянутой, но от нее до нас дошел только след в виде сохранившейся обмазки, на которой он держался. Внутри мавзолея также не сохранилось декоративной обработки, кроме четырех сталактитовых парусов, служащих переходом от нижней квадратной части к куполу. Барабан внутри отсутствует и окна наружного барабана внутри прорезают купол стрельчатого профиля. В нижней части на четырех стенах квадрата вырезаны четыре глухие плоские ниши перекрытые стрельчатыми же арками. В одной из них прорезана входная дверь. Вся нижняя часть покрыта грубой саманной обмазкой. Будучи прекрасным произведением зодчества своего времени, мавзолей этот интересен и тем, что также как и мавзолей Шейх-Шерефа, он не имеет себе аналогий в Средней Азии¹. И здесь, для того, чтобы понять его происхождение нужно обратиться на Запад в Переднюю Азию и Кавказ. Ближе всего по своим архитектурным формам мавзолей над мнимой могилой Фахр-ад-дин-Рази походит на мавзолей «трех са'идов»² и Насир-ал-Хакка в Амале,³ на мавзолей Абу-л-Касима в Мосуле⁴ и пр.

К какому же времени отнести эту постройку? Самый факт смерти Фахр-ад-дин-Рази в 606 г. хид. уже дает границу, до которой здание не могло появиться. С другой стороны, наличие резных неполных терракот, распространенных главным образом в XII в., наконец, самый характер резьбы склоняет меня думать, что в данном случае мы имеем постройку, поставленную, повидимому, незадолго до появления татар, т.-е. до упомянутой выше катастрофы.

Итак, по всей вероятности мы имеем дело с постройкой десятых годов XIII в.

Не подлежит сомнению, что здание, стоящее в северо-западной части городища и носящее имя Тюрабек-Ханым, будет когда-нибудь предметом специальной монографии. И не столько потому, что оно является одной из самых лучших построек на территории Средней Азии, сколько по той значимости, какую оно имеет для понимания и изучения лучших построек Шахрисябза (Ак-Сарай) и Самарканда

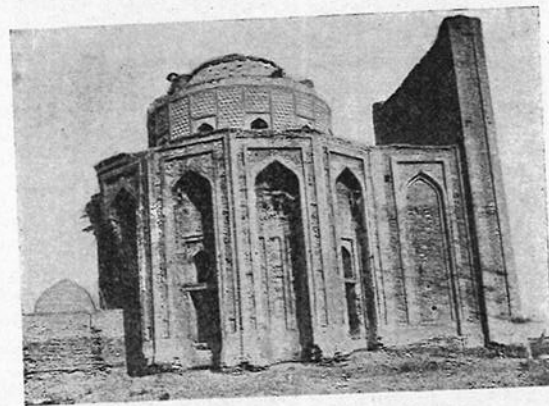
¹ В известном смысле исключением может служить рухнувший в 1914 г. мавзолей Кок-Кесене в окрестностях Сугнака, см. Сообщения ГАИМК, II, 154 (моя статья о Сыгнаке).

² Sarre, Denkmäler persischer Baukunst.]

³ Ibid.

⁴ Sarre und Herzfeld, Archäologische Reise im Eufhrat und Tigris, Band III, Taf. 99; Band I, 22—23.

(мавзолей Ширин-бика-Ага в группе Шах-и-Зинде), связанных с именем Тимура. Не имея даты, которая, повидимому, была на здании, но не сохранилась, оно, однако, не внушает никаких сомнений о времени своей постройки. Связано оно с именем жены правителя Хорезма Кутлуг-Тимура Тюрабек-Ханым, которая, как сказано выше, по словам Ибн-Батуты была строительницей соборной мечети и ханаки. Однако, сохранившееся и связанное с именем Тюрабек-Ханым здание это есть не мечеть, от нее не осталось даже развалин и можно только предположительно указать место, где она находилась. (На юг, вблизи от мавзолея Тюрабек-Ханым, находится холм, покрытый цельным и битым жженым кирпичем, а также фрагментами изразцов. Не исключена возможность, что это и есть место, где находилась выстроенная ею мечеть).

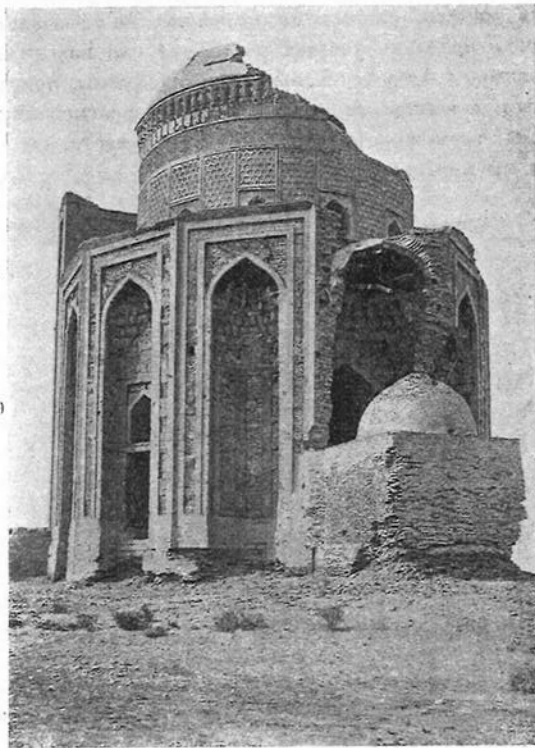

Кунья-Ургенч. Мавзолей Тюрабек-Ханым.
Вид с запада.

Сохранившаяся постройка есть, несомненно, надгробное здание, так об этом говорит сам памятник и прочно держащееся предание, которое считает его мавзолеем над могилой Тюрабек-Ханым. Правда, внутри здания нет надгробия, но это не имеет значения, ибо время могло его уничтожить. В статье «Похороны Тимура» В. В. Бартольд выдвинул мысль, что ханаки часто становятся мавзолеем над могилой своих строителей. Так, мавзолей Туман-ага в группе Шах-и-Зинде¹, первоначально бывший ханакой, выстроенной Туман-ага, после ее смерти стал мавзолеем над ее могилой. В беседе со мной по поводу мавзолея Тюрабек-Ханым В. В. Бартольд высказал предположение,

¹ ЗВО, XXIII, 10 и дальше; В. В. Бартольд, Похороны Тимура.

не является ли он той завией (ханакой), в которой Ибн-Батуте¹, как сказано выше, было устроено угощение и которую по его словам выстроила Тюрбек-Ханым. Если это действительно так, то здание выстроено в 20-х годах XIV в., ибо, как удалось выяснить, Кутлуг-Тимур (ее муж) назначен был правителем Ургенча в 721 г. хид. — 1321 г. н. э. Если же нет, что, впрочем, маловероятно, то по-

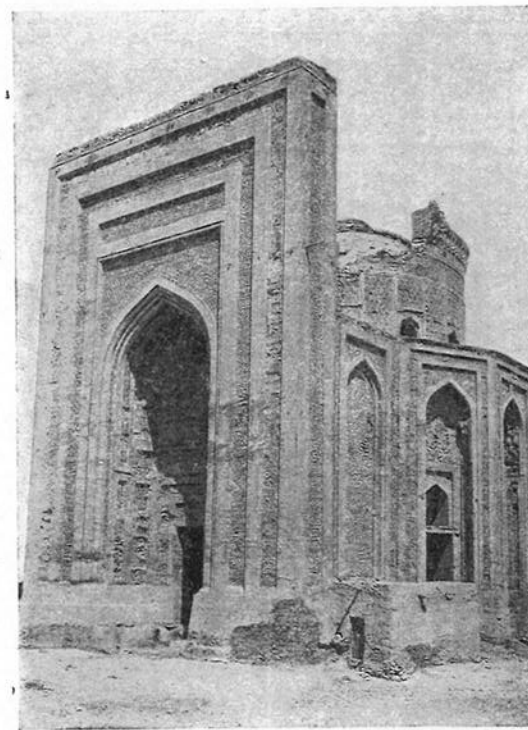

Куня-Ургенч. Мавзолей Тюрбек Ханым.
Вид с северо-востока.

стройка может быть передвинута на каких-нибудь несколько лет позже. Имея в длину в сохранившейся части 24 м., а в ширину 18 м., мавзолей этот представляет внутри шестигранную призму, со всех сторон которой расположены высокие арочные (стрельчатой формы) ниши со сквозными дверьми и окнами, дающими вместе с другими

¹ Voyages d'Ibn Batoutah, III, 14.

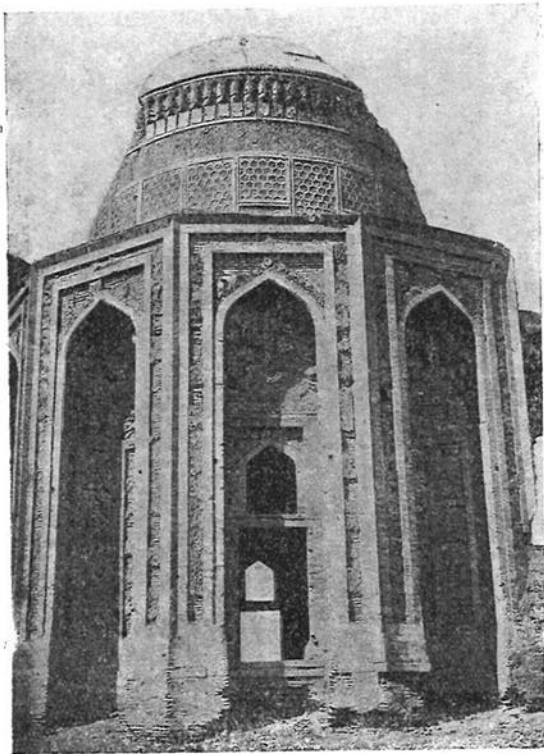
источниками массу света. Но, будучи внутри шестигранной призмой, здание это снаружи построено не шести, а двенадцатигранным. Мавзолей увенчен тройным куполом, который сконструирован путем двустепенного перекрытия: лежащий в основе здания шестигранный переходит в двенадцатигранный, который в свою очередь переходит в 24-х гранник. В последнем расположено 12 окон, дающих также

Куня-Ургенч. Мавзолей Тюрбек-Ханым.
Вид с юго-востока.

много света. К сожалению, от наружного купола, поставленного на высоком барабане, остался только небольшой кусок с восточной стороны. Внутренний купол сохранился хорошо. Между этим, разрушенным куполом, и внутренним, размещен еще третий массивный, чисто конструктивный купол, хорошо сохранившийся. В южной части здания высокий прямоугольный портал с великолепным арочным стрельчатым входом. Северная часть здания сильно разрушена, закрыта пристройкой

недавнего происхождения¹ и трудно без детального обследования представить, каково было ее первоначальное архитектурное оформление. Будучи совершенным по своим формам, математически точно выраженным, здание это еще более поражает своим орнаментным убранством. К сожалению, оно очень пострадало и, за исключением купола, да некоторых участков, мы только по фрагментам, да по со-

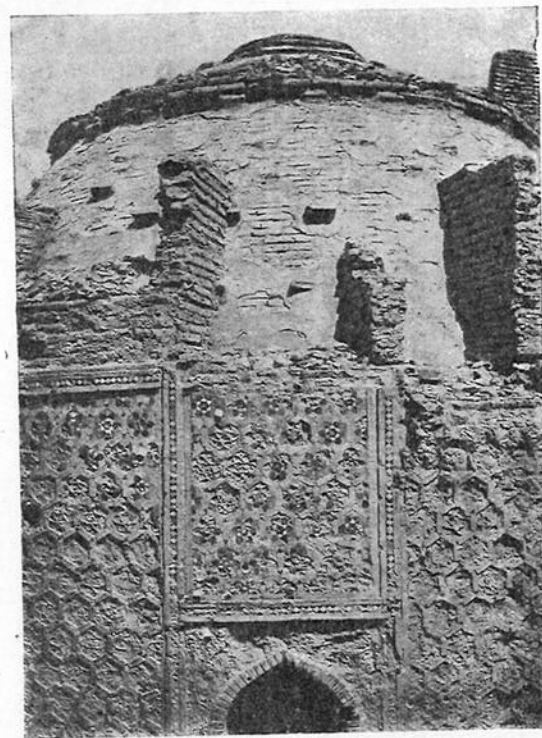

Куны-Ургенч. Мавзолей Тюрбек-Ханым.
Деталь. Вид с востока.

хранившимся гнездам можем представить богатство его облицовки. Как внутри, так и снаружи, убранство построено на принципе сочетания неполированного, обожженного отшлифованного кирпича и тончайших изразцовых мозаик. В наружной части здания облицовочный

¹ По словам А. Куна она выстроена при Мухаммед-Амин-Хане. Материалы для Статистики Турк. Край, вып. IV, 214, 1876 г. «От Хивы до Кунграда».

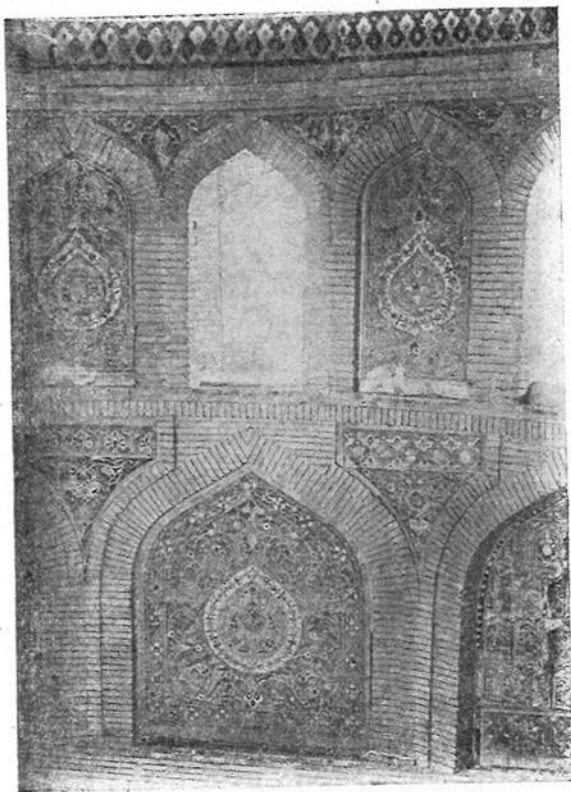
кирпич (в длину 23—27 см., в высоту 4 см.) образует те обрамления, в которые и вставлены изразцовые мозаики. Высокий портал обрамлен тремя входящими одна в другую прямоугольными рамами, выложенными вышеуказанным кирпичем, промежутки между которыми и были облицованы тончайшей изразцовой мозаикой, где среди растительного орнамента по синему фону шли белыми буквами над-

Куны-Ургенч. Мавзолей Тюрбек-Ханым.
Часть барабана и купола.

писи (почерк сульс). От всего этого богатства остались только небольшие куски. Высокая входная стрельчатая арка портала была покрыта в полусводе (конхе) своим сталактитами из изразцовых мозаик, где также среди растительного орнамента шли надписи в виде отдельных слов. И здесь как в обводке самого контура арки, так и в обработке ее щек, большую роль играет вышеупомянутый облицовочный кирпич желтоватого с розовым оттенком цвета. Таким же образом обработаны все наружные стрельчатые, со сталактитовыми

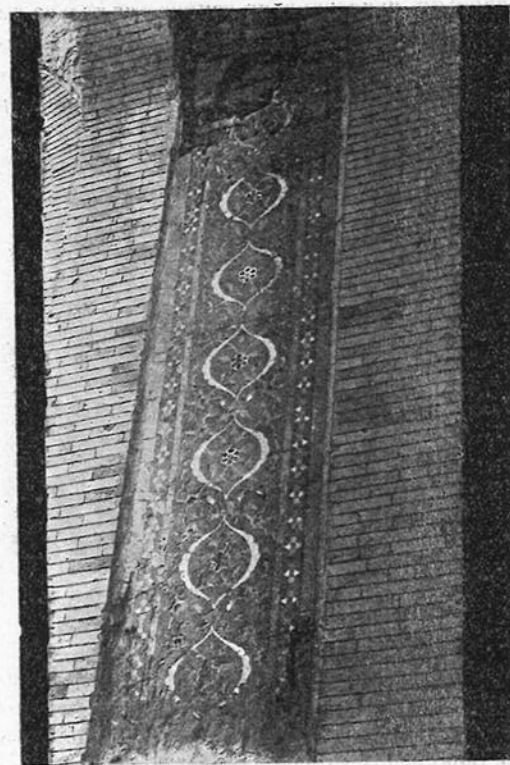
полусводами ниши. В них хорошо сохранились только кирпичные обрамления, а мозаика по большей части давно выпала, и если где удержалась более или менее значительными частками, то на сталактитовых полусводах. Однако, как ни малы уцелевшие остатки их, все же и они дают полную возможность судить не только о высо-

Куя-Ургенч. Мавзолей Тюрабек-Ханым.
Вид внутри.

кой технике, но и о самом орнаменте. Совершенным произведением был купол как снаружи, так и, особенно, внутри. Снаружи он покрывался на барабане, который представляет собою цилиндр, разбитый на 24 прямоугольных участка, каждый из которых покрыт шестигранными рамками из обожженного отшлифованного кирпича, причем внутренность их заполнена изразцовой мозаикой в форме цветных

шестиконечных звезд. И здесь та же картина, большинство звезд пусто, мозаика с них, видимо, давно упала. На указанном барабане имеется 12 стрельчатых окон, о которых сказано выше. В верхней части барабана шла круговая полоса надписи, от которой только остался след в алебастровой обмазке. Еще выше находится сталактитами отделанный карниз с мозаичной обработкой, и над всем этим

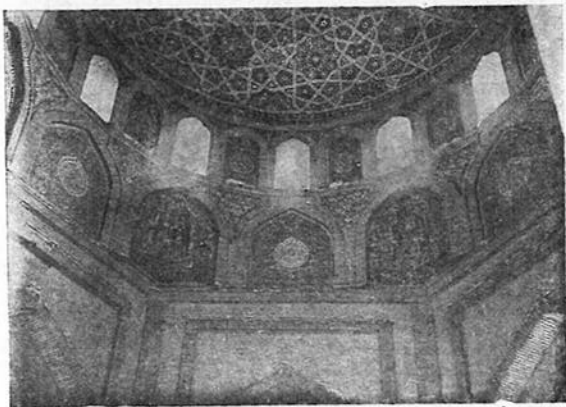

Куя-Ургенч. Мавзолей Тюрабек-Ханым.
Деталь внутри.

высился бирюзовый купол с изумительно чистым цветом своих изразцов, однако, от него остался только небольшой кусок с восточной стороны.

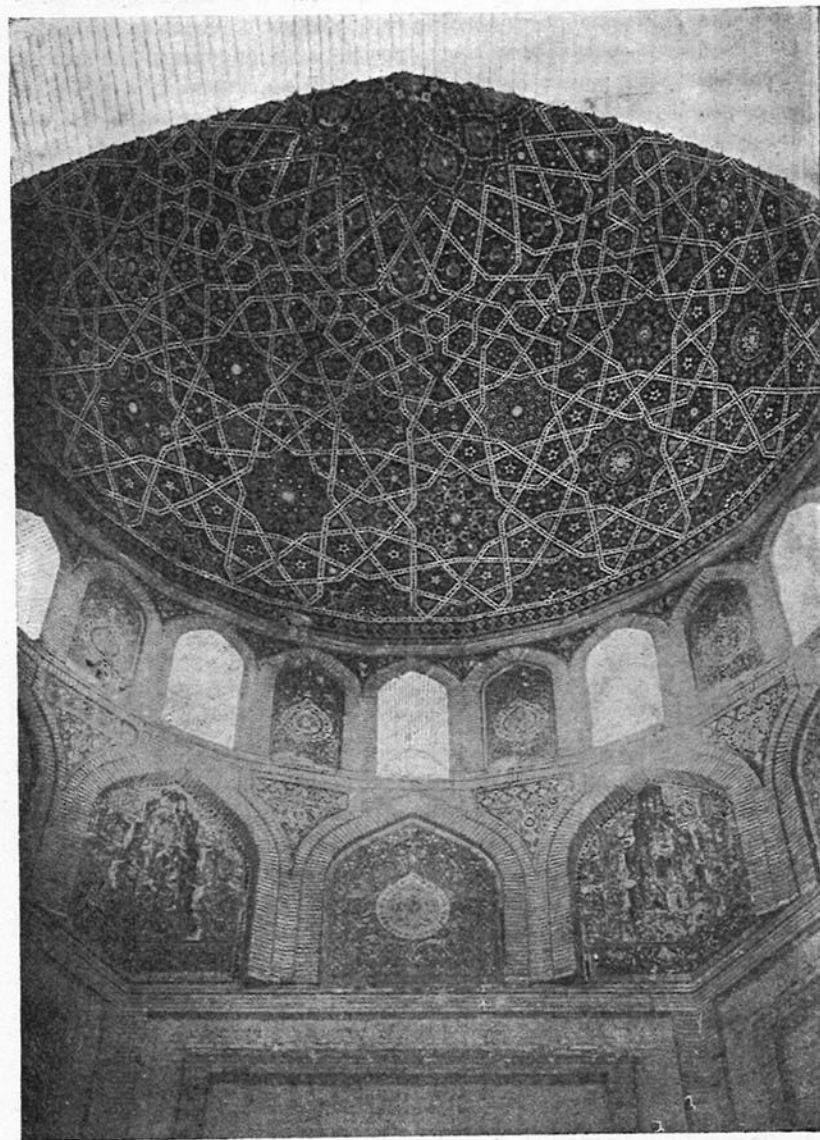
Внутреннее убранство здания сохранилось лучше. Здесь то же сочетание неполированного облицовочного кирпича и мозаики, что и на наружной обработке. Менее всего сохранилось мозаик на внутренних

стенах шестигранника, да их здесь и было меньше, чем в других частях здания. Хорошо сохранилась мозаичная обработка щеки северной арки, имеющей сейчас выход из мавзолея к небольшой купольной пристройке, относящейся ко времени Мухаммед-Амин-Хана. Но от этого внутренность помещения только выигрывала, ибо архитектурные формы шестигранной основы здания, отделанного облицовочным неполированным кирпичом, создает впечатление строгой простоты. Богатое убранство мозаичными композициями начинается только с двенадцатигранника, которым и совершается переход к куполу. Шесть из стрельчатых ниш двенадцати гранника являются угловыми и обработаны в качестве парусов сталактитами, покрытыми изумительной (по тонкости

Куня-Ургенч. Мавзолей Тюрбек-Ханым.
Вид внутри на переход к куполу.

работы) мозаикой с растительным орнаментом. Шесть других ниш, расположенных между угловыми, имеют плоское поле мозаичной обработки, где также представлены растительные мотивы. В 24-х граннике 12 делений (участков) использованы под окна, а 12 — покрыты прекрасными мозаичными композициями с растительным орнаментом. Но лучшим украшением этого мавзолея является обработка купола внутри. Можно безошибочно сказать, что другого такого купола нет во всем мусульманском мире. Поверхность свода покрыта закономерно развивающимся белым плетеньем геометрического орнамента каждая клетка которого заполнена каким-нибудь растительным или геометрическим мотивом. И все это выложено мельчайшими изразцовыми вставками. Многообразие орнамента так велико, что даже на хорошей фотографии трудно сосчитать число входящих в него

Куня-Ургенч. Мавзолей Тюрбек-Ханым.
Вид внутри.

разных орнаментных единиц. Остановлюсь теперь на красочном многообразии в мозаичном убранстве мавзолея. Преобладающим являются синий и белый цвета, которые находятся в сочетании бирюзового, черного, зеленого, желтого, красного, коричневого и золота. Характерно, что цвета зеленый, желтый, коричневый имеют ряд оттенков. В этом отношении поразителен зеленый, который на некоторых мозаичных композициях представлен в виде фисташкового, являющегося фоном для целой группы других цветов. Особенностью этой постройки, как отчасти и других построек Ургенча (Фахр-ад-дин-Рази и Шейха-Шерефа) при всем другом их различии, является умение находить замечательное соотношение между двумя приемами в облицовке здания: кладки неполированным обожженным, отшлифованным кирпичем и изразцом. В противовес другим районам Средней Азии, здесь в Ургенче, мастера в орнаментном убранстве наружных частей зданий (за исключением купола) скупно вводили изразец, памятуя, что четкость архитектурных форм в большей мере выигрывает на фоне облицовочного обожженного кирпича, чем на фоне одноцветного или многоцветного изразца.

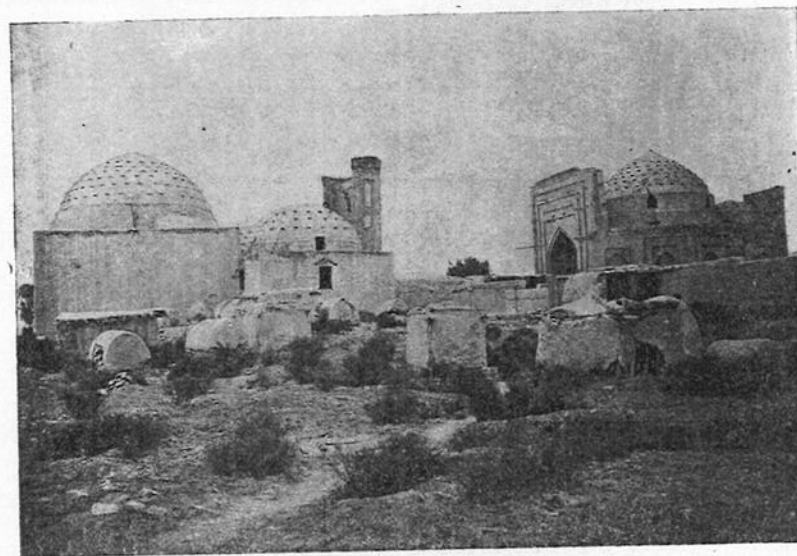
Конечно, мавзолей Тюрбек-Ханым имеет значение не только, как образец совершенной постройки в средневековом круге мусульманского зодчества. У него, кроме того, огромное культурно-историческое значение. При современном уровне наших знаний мы еще не можем сказать, где корни этой постройки как со стороны ее форм, так и мозаичного убранства. Здесь еще предстоит большая работа по обследованию построек Хорасана и Северной Персии. Зато другое мы уже и сейчас можем установить прочно. Выше было сказано, что Тимур во время своих походов в Хорезм увозил ученых художников и ремесленников из Ургенча. Так, после 4-го похода в 1379 г. он вывез их в свой родной город Шахрисябз. А историк Абд-ар-Реззак Самарканди (как впервые сообщил об этом В. В. Бартольд)¹ определенно указывает, что Шахрисябзский дворец Ак-Сарай построили хорезмийские мастера. И действительно, достаточно беглого сравнения, чтобы увидеть, что это так. Мозаики Ак-Сарая, начатого постройкой в 80-х годах XIV в.², и по технике и по орнаментным композициям очень близки к мозаикам Тюрбек-Ханым, хотя последние и отличаются обилием красного цвета. Более того, мавзолей Ширин-Бика-Ага 787 г. хид. и мавзолей 808 г. хид. в группе Шах-и-Зинде в Самарканде — явление того же порядка. Но здесь нужно

¹ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, т. I, стр. 69—70.

Абд-ар-Реззак Самарканди (Рук. Лен. Унив. № 157 л. 73 в.

² У А. Куна (Очерки Шахрисябзского бегства ЗРГО по Отд. Этногр., стр. 225—226) неверно приведена дата 797 г. хид.

поставить только один корректив. Хорезмийские мастера принесли в Шахрисябзскую и Самаркандские постройки только приемы и вкусы, проявленные ими в изразцовых мозаичных композициях мавзолея Тюрбек-Ханым, но отнюдь не архитектурные формы его. Для блестящей эпохи Тимура и Тимуридов в мозаиках Тюрбек-Ханым лежит ценный источник, из которого творческая фантазия строительных мастеров почерпнула не мало богатых материалов. Сравнительное изучение мозаик Шахрисябза, Самарканды и Ургенча (на указанных постройках) есть одна из благодарных ближайших тем.

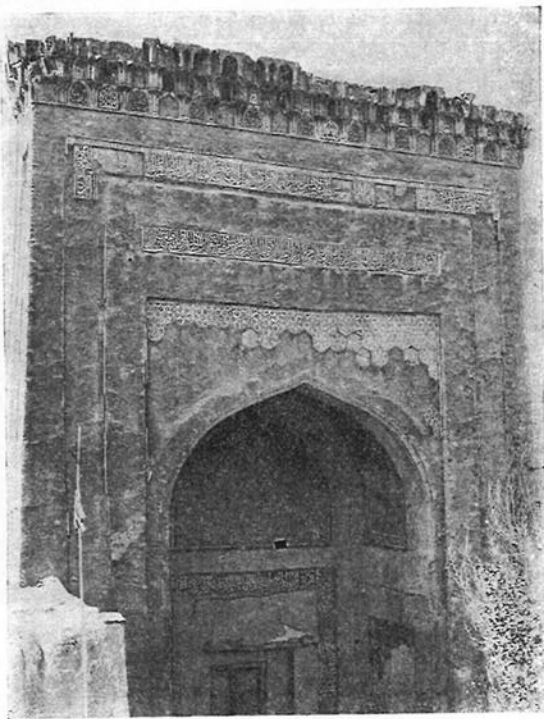

Куля-Ургенч. Мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра (налево).
Вид с востока.

Мавзолей над могилой знаменитого шейха Наджм-ад-дин-Кубра, убитого в Ургенче во время монгольского нашествия, находится в ближайших окрестностях города, в нескольких стах саженях на север от северной стены города, что вполне совпадает с вышеприведенным свидетельством Ибн-Батуты, бывшего в Ургенче в 1333 г. и видевшего этот интересный памятник¹. В настоящий момент интерес к себе вызывает только высокий портал со стрельчатой входной аркой, где местами сохранилась прекрасная изразцовая облицовка. Ни на наружных стенах, ни на куполе ничего не осталось,

¹ Voyages d'Ibn Batoutah, III, 5—6.

даже следов в виде изразцовых гнезд и все покрыто недавней, сравнительно, штукатуркой. Но и то, что сохранилось на портале, дает достаточно выразительную картину когда-то бывшего наружного убранства. По карнизу порталной стены в три ряда идет сталактитовая обработка, составленная из расписных изразцов и резных неполированных терракотовых плит очень тонкой работы. С трех сторон портал обрамлен арабской надписью, выполненной по синему фону

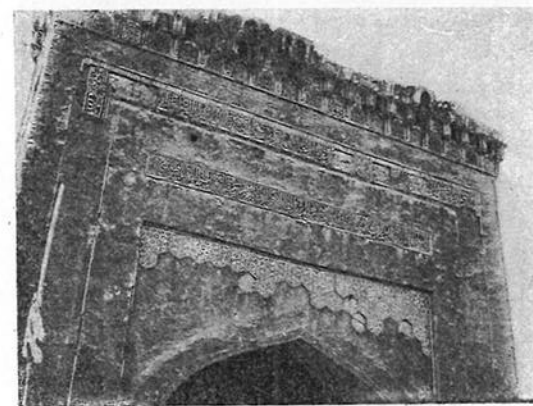

Куля-Ургенч. Мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра.
Портал. Вид с севера.

белыми буквами, от которых только в верхней части сохранилось несколько кусков. К счастью полностью дошла до нас другая арабская надпись, в том же стиле и той же технике, находящаяся сейчас же под упомянутой выше. Из нее видно, что здание это построено над могилой шейха Наджм-ад-дин-Кубра при правителе Кутлуг-Тимуре, т. е. в пределах от 1321 до 1333 г., когда Ибн-Батута посетил этот мавзолей. Конец этой надписи гласит: «на ристалище

счастья, покровителя царей, звезды земного мира и веры Кутлуг-Тимура бен-Наджм-ад-дин бен-Тойды-Ака.

Таким образом, мы должны отказаться от прежнего взгляда, установившегося со времени А. Куна¹ (его поездки в Хиву в 1873 г.) и повторенного А. А. Семеновым², согласно которому мавзолей этот построен был мастером из Самарканда по приказанию Тимура. Перед нами, таким образом, вторая бесспорная постройка, связанная с блестящей эпохой Ургенча 20 и 30-х годов XIV в. Кроме надписей, вернее их фрагментов, следует подчеркнуть красивую облицовку тимпанов над стрельчатой аркой, выложенных шестиугольными расписными плитками и, особенно, входной (где помещена дверь) стенки.

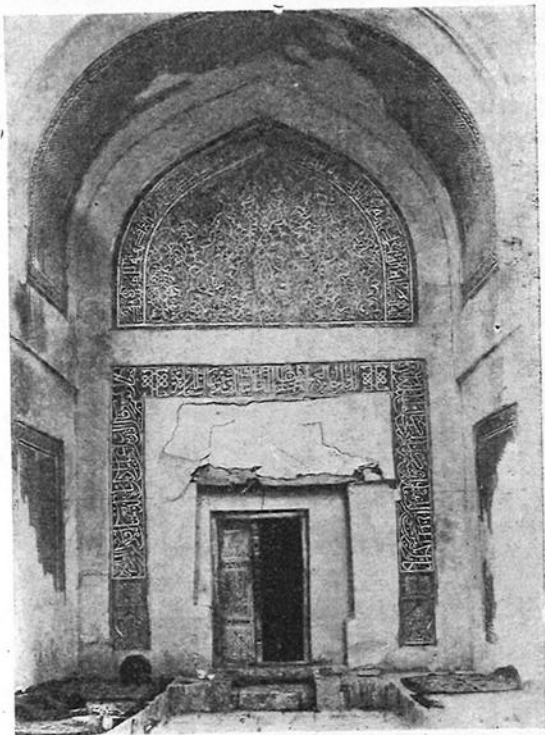
Куля-Ургенч. Мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра.
Верхняя часть портала.

По бокам двери, там, где находятся начало и конец упомянутой надписи, в стену вставлены две большие плиты, исполненные в виде больших расписных изразцов. Пышная, растительная композиция, составленная из цветов и листьев, говорит об очень высокой технике, которая была известна Ургенчу в начале XIV в. Также хорош и верх стрельчатой арки. Здесь большое поле выложено шестиугольными расписными плитками, образующими вместе очень тонкую и художественно-выраженную композицию, образованную двулистниками, трилистниками, и однолистниками. По краю этой композиции идет куфическая надпись: «Царство принадлежит богу и т. д.». Но более

¹ А. Кун, От Хивы до Кунграда. Мат. для статистики Турк. Края, вып. IV, 215, 1876.

² Таджикистан. Памятники ардйской культуры, стр. 148.

всего заслуживает внимания то, что находится внутри мавзолея: надгробие и столб. Несомненно, надгробие — один из самых лучших образцов восточной майолики. И по своим формам, и по своим орнаментным растительным композициям оно заслуживает специального исследования.

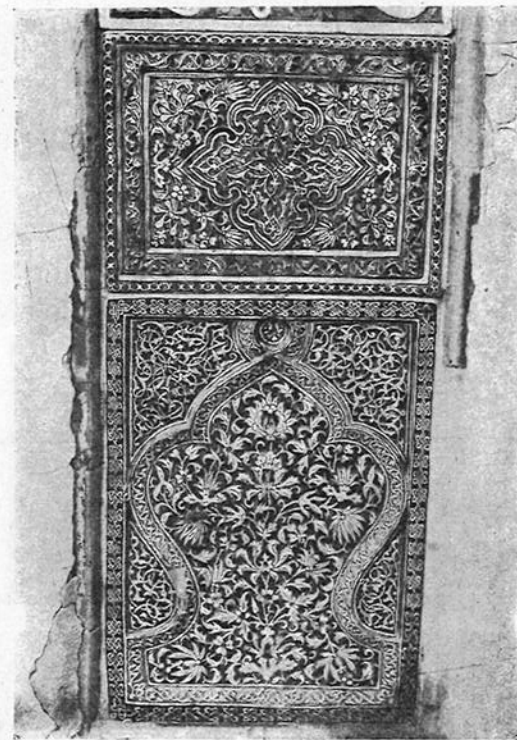

Куны-Ургенч. Мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра.
Вход в мавзолей.

То же можно сказать и о столбе. Надгробие двойное и считается над могилой Шейха Наджм-ад-дин-Кубра. Столб стоит, по преданию, на месте погребения головы шейха¹.

¹ Проблема значения Куны-Ургенчских построек для понимания материальной культуры Золотоордынского Поволжья (два Сарая, Булгар и др.) не входит в задачу настоящей моей работы. Однако, нельзя не отметить поразительного сходства, более того, тождества как в технике, так и в орнаменте майолик Наджм-ад-дин-Кубра и расписных изразцов из Булгара. Если взять последние (таблицы в «Отчете о раскопках в Булгарах 6 июля 1914 г.», отд. оттиск из 5—6 выпуска XXIX тома Изв. Общ. Арх. Ист., Этн. при Каз. Ун-те),

Остановлюсь в нескольких словах и на развалинах здания, известных в настоящее время под именем Караван-Сарая, лежащих в южной части городища. Это была прекрасная и большая постройка. От нее сохранилась только арка портала, заваленная сильно землей. Будучи стрельчатой по своей форме, она интересна по своей орнаментной обработке. Сильно разрушенные пилоны портала сохранили в вер-

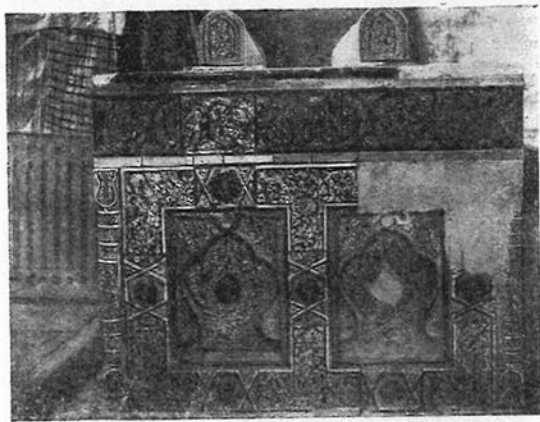

Куны-Ургенч. Мавзолей Наджм-ад-дин-Кубра.
Расписной изразец.

тикальных полосах типичную для Ургенча, да и вообще для Хорезма кладку облицовочного кирпича, положенного парой и чередующегося в определенном порядке с бирюзовыми фигурными переборками. Промежутки между вертикальными полосами служили гнездами для то картина получится достаточно выразительная. Не подлежит сомнению, что все изразцовое убранство как двух Сараев, так и Булгара в этот период шло под влиянием Ургенчских мастерских первой половины XIV в. Смотреть об этом статью мою (вышеупомянутую) «Хорезм в керамике Сарая».

мозаичных изразцовых композиций. Такая же кладка наблюдается и на боковой восточной стене. Особенно хорошо отделаны щеки арки. Здесь сочетание нескольких приемов, встречаемых в Ургенче: 1) облицовка обожженным полированным кирпичем и фигурными терракотовыми переборками. 2) Резные неполивные терракоты (витые «жгуты»). 3) Выкладка неполивными кирпичиками разных размеров геометрического плетущегося орнамента, ячейки которого заполнены мозаичным изразцовым набором.

Каково назначение здания и время его постройки? На этот вопрос ответ дадут только тщательные археологические изыскания. Одно только ясно, что здание — Золотоордынского периода. Что же касается развалин здания, известного под именем Юсуф-Бека, нахо-

Куя-Ургенч. Мавзолей Наджи-ад-дин-Кубра.
Надгробие.

дящегося в северо-восточной части городища, то эти интересные остатки так разрушены, что без раскопок невозможно говорить ни о его архитектурных формах, ни об орнаментном убранстве, ни о его назначении. Только раскопки дадут нам ответ на этот вопрос.

Остановлюсь теперь на тех выводах, пока еще во многом предположительных, к которым привели меня наблюдения над современным состоянием городища и его остатков. Прежде всего трудно примирить, казалось бы достойное доверия, известие Ибн-ал-Аспира¹ о том, что Ургенч был восстановлен на новом месте, с тем, что представляет собой городище в настоящее время. Выше мы видели,

¹ Ибн-ал-Асир, XII, 323.

что до-монгольский минарет 1011 года еще 30 лет тому назад стоял в южной части современного городища. Старожилы, как сказано выше, до сих пор показывают место, где он находился. Указанный

Куя-Ургенч. Развалины «Караван-Сарая».
Арка портала. Вид с севера.

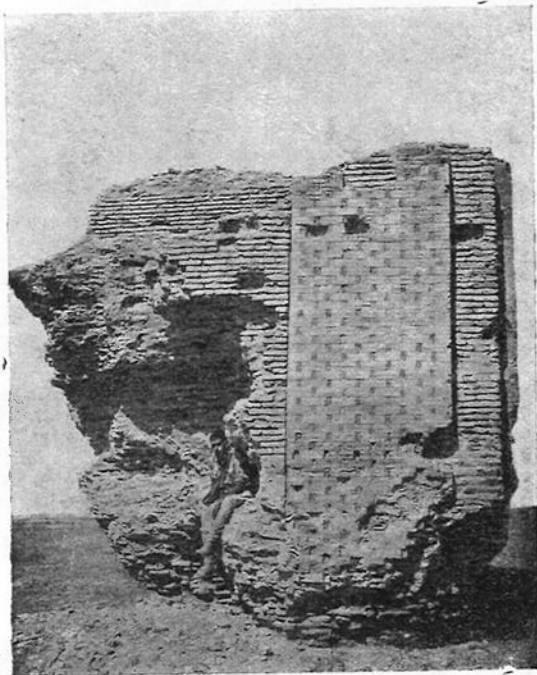

Куя-Ургенч. Развалины «Караван-Сарая».
Арка портала. Вид с юга.

факт настолько важен, что уже на основании его одного мы можем утверждать, что южная часть городища в качестве города Ургенча существовала и в до-монгольскую эпоху. Окончательное подтверждение могут дать только раскопки. Глубоко убежден, что будущие работы по вскрытию культурных слоев, которые должны быть произ-

ведены в южной части городища, дают нам образцы керамики, относящиеся к до-монгольскому периоду.

Таким образом, вышеизложенным вполне опровергается, как мне кажется, упомянутое выше известие Ибн-ал-Асира. Но если город и не был перенесен из одного района в другой, то все же рост его в определенном направлении должен был развиваться, и существенной топографической задачей является вопрос, где находится наи-

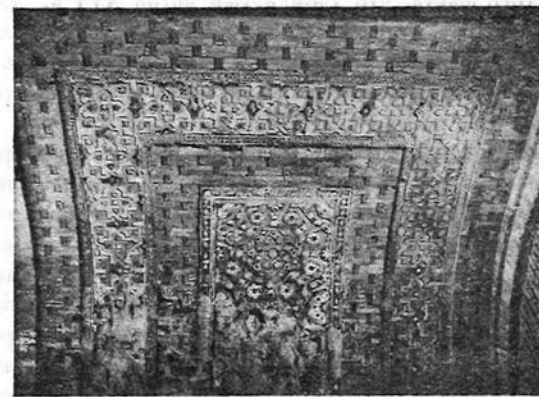
Куны-Ургенч. Развалины «Караван-Сарая».
Арка портала. Вид с востока.

более древний участок старого Ургенча. Мне кажется, что установить это возможно даже после моей поездки, хотя последняя и носила только ориентировочный характер. Так как упавший минарет, датированный 401 г. хид. — 1011 г. н. э., находился в южной части городища, в пределах т. н. «Таш-Калы», то совершенно естественно считать ее (южную часть) наиболее старой частью городища.

Более того, если обратиться к местоположению поздних построек, бесспорно датирующихся 20 годами XIV в. (мавзолей Тюрбек-Ха-

вым, шейха Наджм-ад-дин-Кубра), то первый из них находится в северо-западной части городища, а второй — в ближайших окрестностях города, за его северной стеной. Таким образом, сам собою напрашивается вывод, что город по мере своего роста распространялся с юга на север.

Сохранившаяся крепость, т. е. Ак-Кала, занимающая огромное пространство, имела прекрасные стены, выложенные из сырцового кирпича и такие же башни. Весь этот большой комплекс крепостных сооружений, который требует еще специального исследования, мог быть возведен только в период расцвета городской жизни. Едва ли Мухаммед-Амин-хан, который начал в 40-х годах прошлого сто-

Куны-Ургенч. Развалины «Караван-Сарая».
Щека арки портала.

летия большие оросительные работы, смог бы построить ее. И если Хорезм-Баг имеет о своем происхождении достоверные предания, то было бы странно, чтобы крепость, которая является значительно более мощным сооружением, этого предания о себе не оставила. Отнести же ее построение к глухим временам XV—XVIII в. у нас нет никаких исторических оснований. И вернее всего будет положиться на те поливные черепки, которые в достаточном количестве попадают внутри ее стен, а они все датируются второй половиной XIII и XIV вв. Думаю, что едва ли будет рискованным заключить — в лице Ак-Калы мы имеем остатки цитадели, возведенные в лучшие дни жизни Ургенча Золотоордынского периода.

Где же была цитадель Ургенча до-монгольского периода? Можно ли предполагать ее на месте Ак-Калы? Для решения этого вопроса надо тщательно исследовать место к югу от сухого русла Аму-

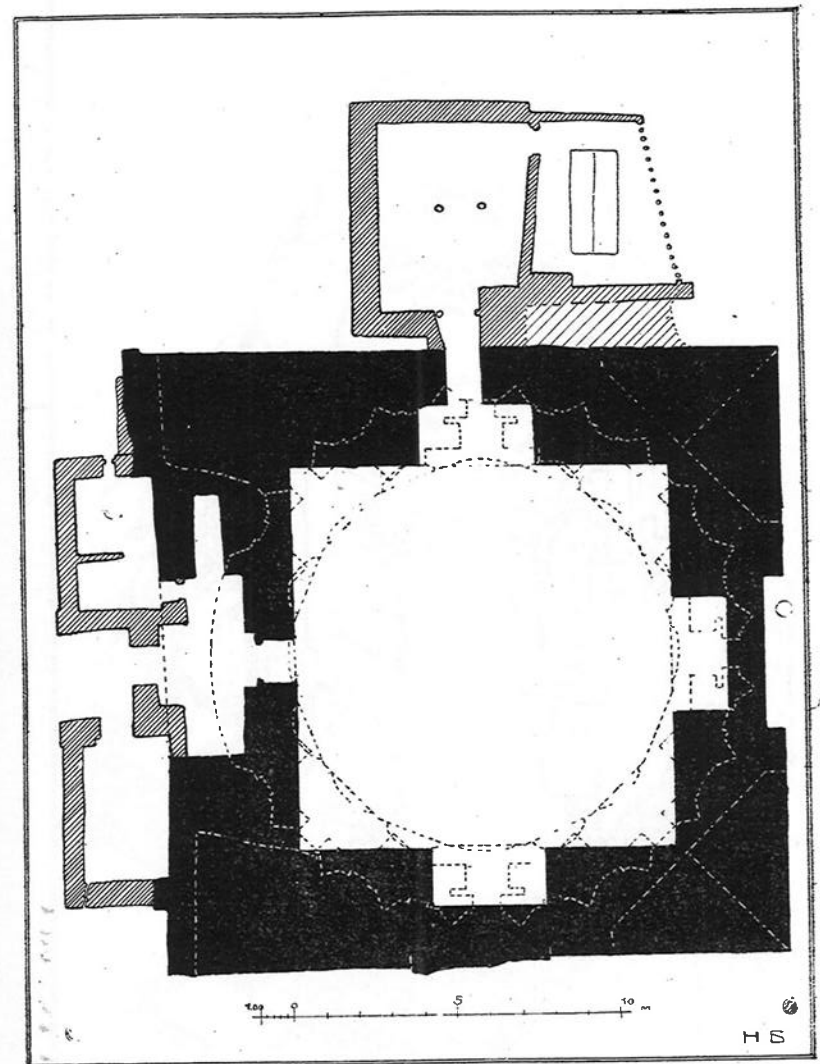
Дарья (вернее, ее главного протока). Мне думается, есть все основания полагать, что тот канал (с мостом через него), о котором говорит Джувейни¹ в своем описании осады Ургенча, и послужил руслом, по которому впоследствии пошла Аму-Дарья своим главным протоком в сторону Каспийского моря. Если это так, то какая-то часть до-монгольского города лежала на южном берегу; так по крайней мере принуждает нас думать ясный смысл текста Джувейни. Не исключена возможность, что где-то здесь и была цитадель, как, впрочем, не исключена возможность, что ее надо искать на территории вышеупомянутой крепости Ак-Кала. Что участок на юг от реки был заселен в монгольский период с достаточной ясностью следует из того факта, что упомянутый автор XVI в. Джаны Махмуд Гуджувани именно здесь упоминает о мазаре Ходжа-Алты-Кулач, который ремонтировался по распоряжению шейха Кемаль-ад-дин Хусейна Хорезми. Только ближайшее изучение южного берега может окончательно осветить вышеотмеченные вопросы².

Кончая настоящий небольшой очерк, хочется подчеркнуть, что им только начинается работа по изучению богатого памятниками городища Куя-Ургенч. Если автору удалось правильно заложить первые кирпичи этой работы, он сочтет себя удовлетворенным. В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность В. В. Бартольду, под чьим руководством работа по изучению Ургенча протекает все время. Приношу также благодарность б. Средазкомстарису за предоставленные средства на поездку в Ургенч летом 1928 г. ее уполномоченному в Хорезме Л. Н. Соколову за совместную товарищескую работу на городище и Н. Б. Бакланову за редакцию статьи в архитектурной ее части.

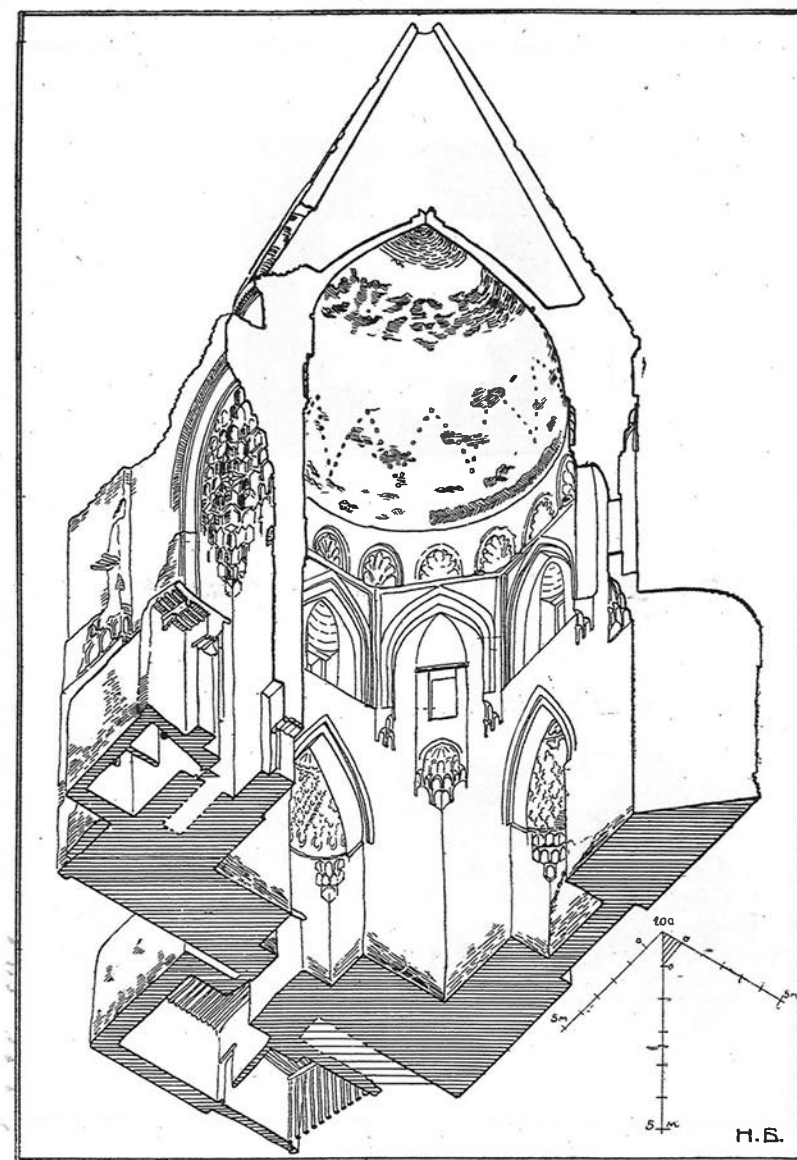
¹ Juwayni Gib. memor. series, 100.

² Летом 1929 г. состоялась вторая экспедиция в Хорезм в составе сотрудников Академии Ист. Мат. Культуры, сотрудника института Народов Востока и представителя Туркменкульта, при материальной поддержке последнего. Материалы экспедиции 1929 г. еще не все разобраны. Но уже на месте во время работы стало совершенно ясно, что те выводы топографического характера, которые сделал автор статьи в 1928 г., были правильны. Керамический материал, полученный раскопками, вполне подтвердил, что наиболее старая часть городища — южная и что на большей части его территории находилась до-монгольский Ургенч.

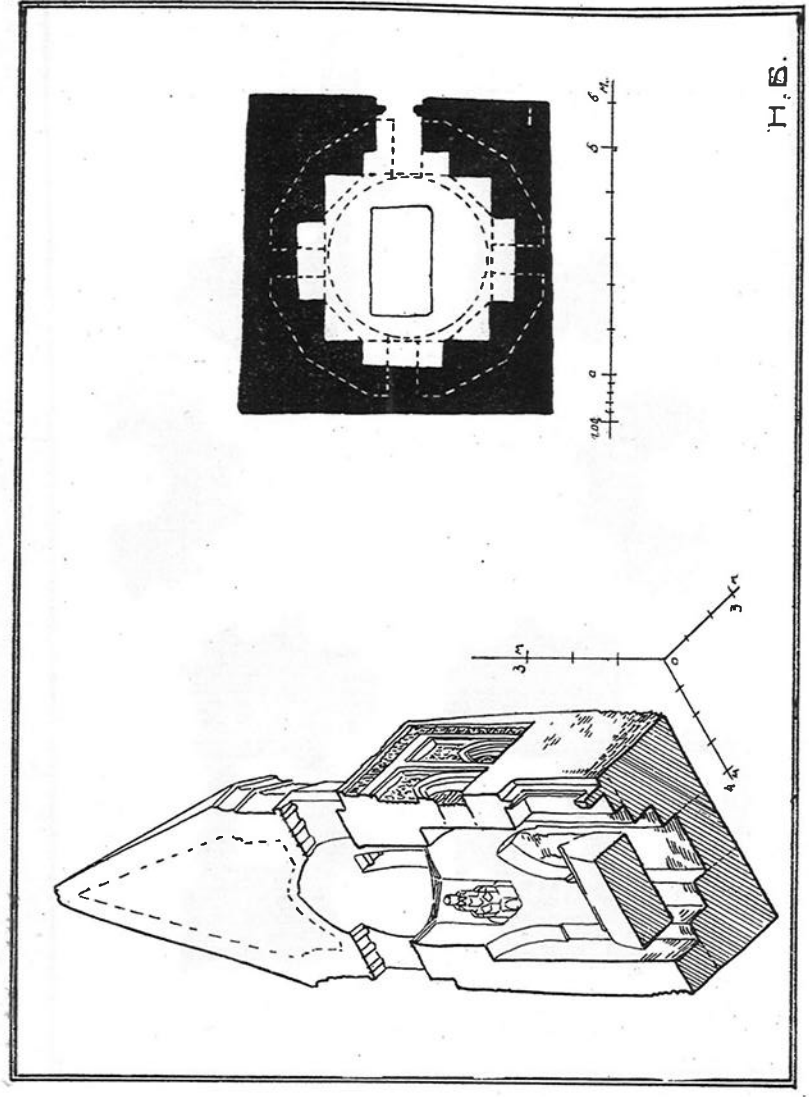
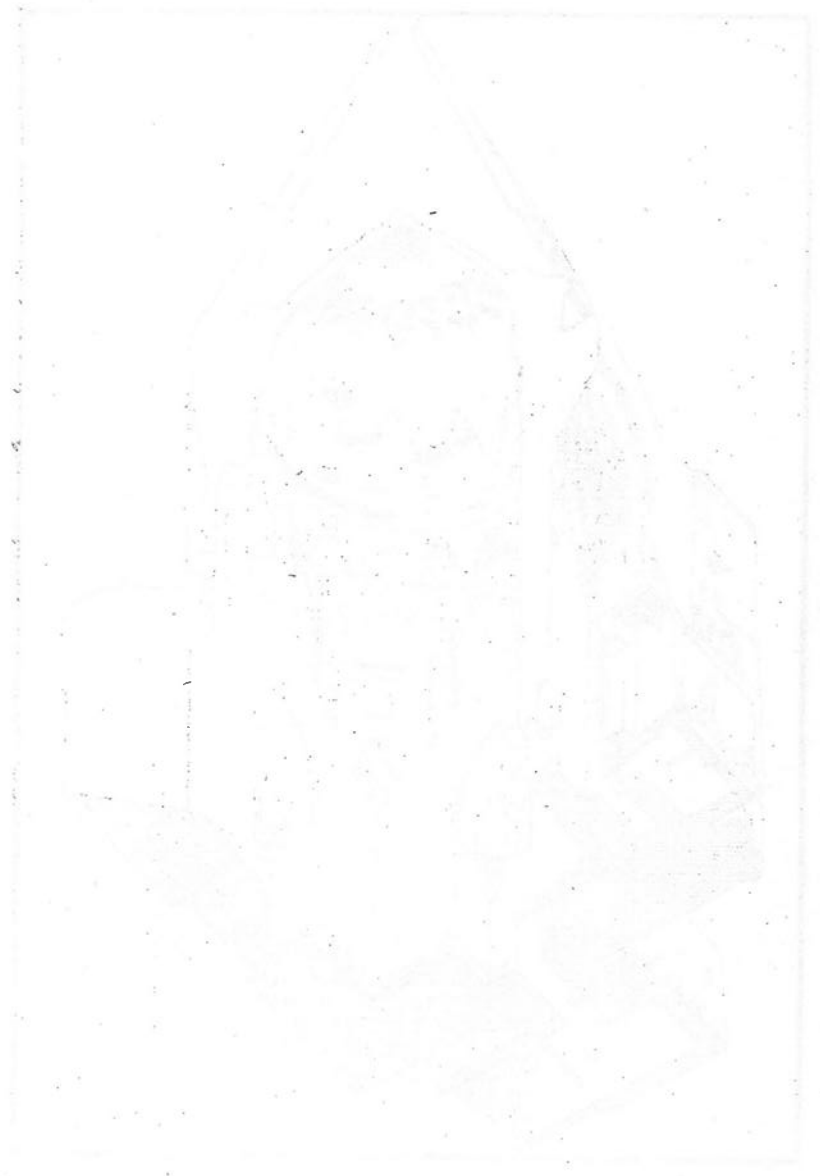
П Л А Н Ы И Р А З Р Е З Ы

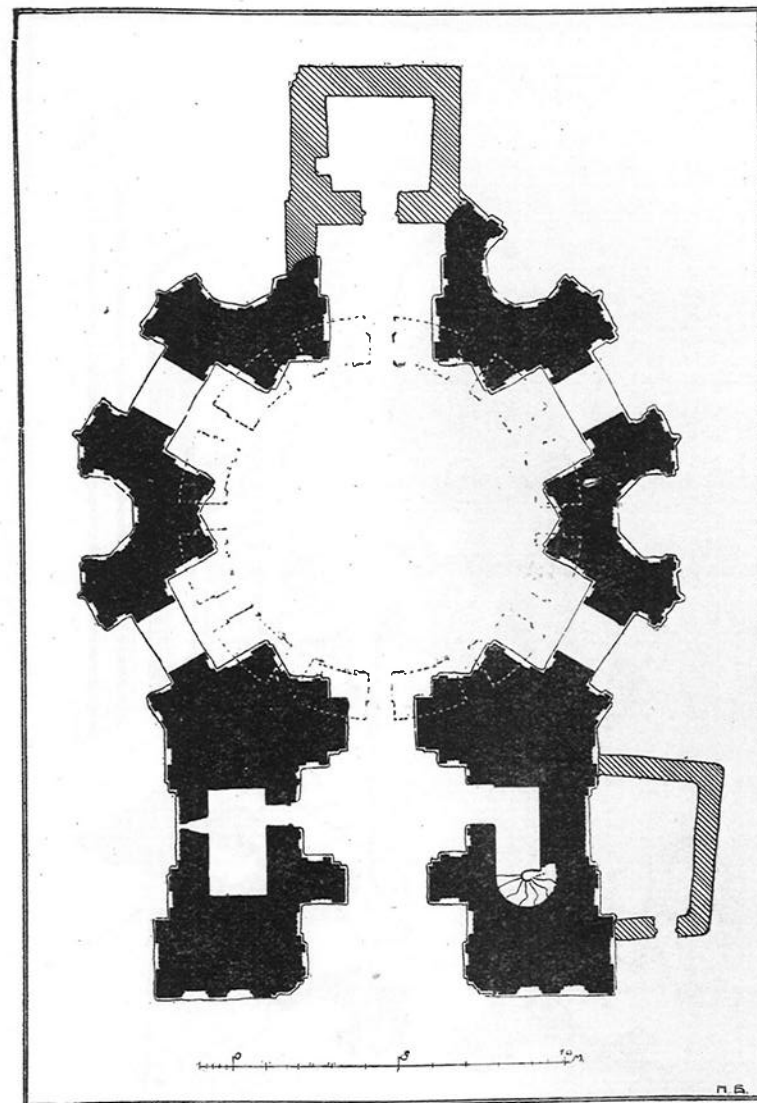
Мавзолей шейх-Шериф. План.

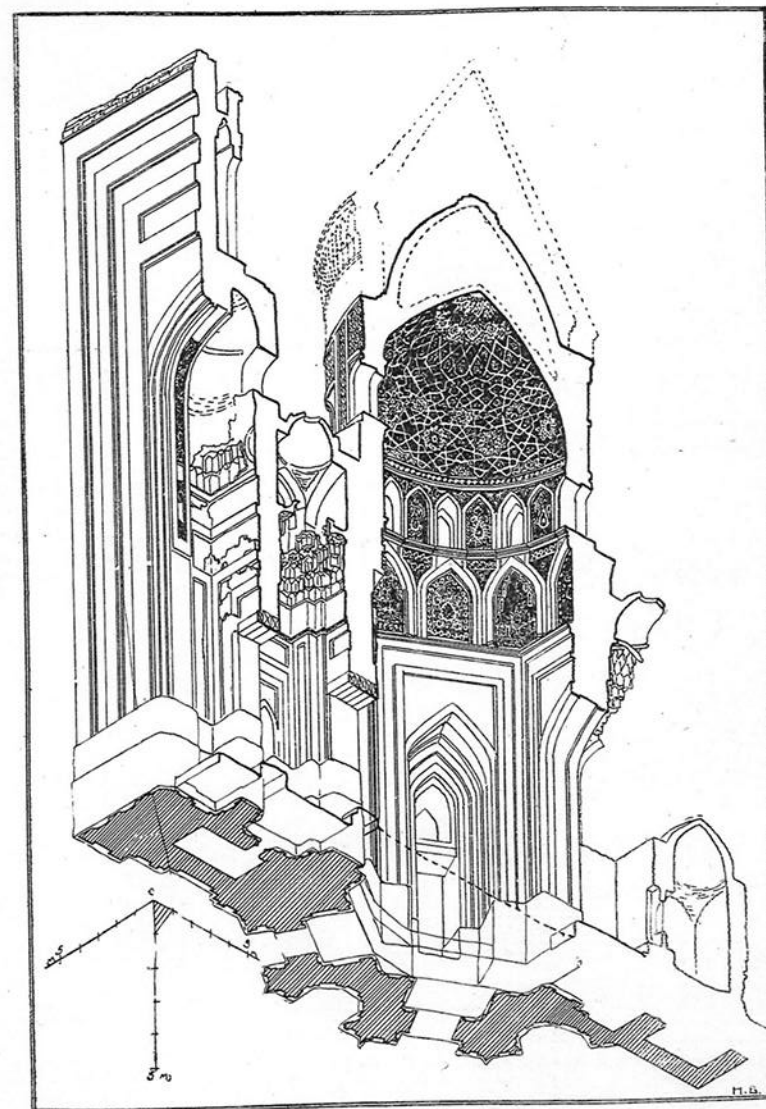
Мавзолей шейх-Шереф. Разрез.

Мавзолей Фахр-ад-дин Рazi. План и разрез.

Мавзолей Тюрбек-Ханым. План.

Мавзолей Тюрабек-Ханым. Разрез.